

I.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

НАЗНАЧАЮТСЯ.

Псаломщикъ церкви села Черны, Оргѣвскаго уѣзда Лука *Маржина*—діакономъ къ той же церкви на псаломщической вакансію, 27 марта.

Псаломщикъ цер. с. Волонтировки, Аккерманскаго уѣзда, Николай *Демидовскій*—діакономъ къ той же цер. съ оставленіемъ на псаломщической вакансіи, 31 марта.

Бывшій псаломщикъ Михаилъ *Беньковскій*—и. д. псаломщика къ цер. с. Ойшень, Бѣлецкаго уѣзда, 1 апрѣля.

ПЕРЕМѢЩАЕТСЯ

согласно прошенію.

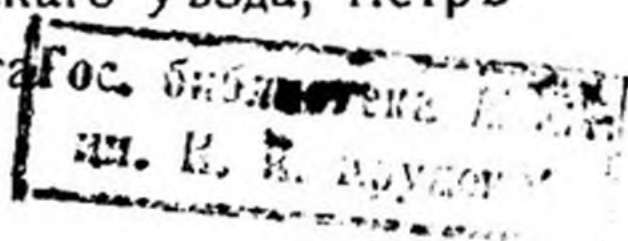
Священникъ церкви с. Дондюшанъ, Сорокскаго уѣзда Киръ *Романчукъ*, къ церкви с. Мошанецъ, Хот. уѣз. — на прежнее мѣсто, 30 марта.

УВОЛЬНЯЮТСЯ ЗА ШТАТЪ

по старческой немоци.

Протоіерей церкви с. Кирютни, Бендерскаго уѣзда, Макарій *Любовъ*, 30 марта.

Псаломщики цер. с. Сатуново, Измаильскаго уѣзда, Петръ *Казанакли* и Павелъ *Стародубскій*, 26 марта

II.

Епархіальныя извѣстія.

СПИСОКЪ

ПРАЗДНЫХЪ СВЯЩЕННИЧЕСКИХЪ МѢСТЪ.

Наименованіе села и уѣзда.	Число душъ муж. пола.	Количество зем- ли (дес. саж.).	Жалованья отъ казны.
<i>Аккерманскаго уѣзда:</i>			
С. Спасское	573	—	675
<i>Хотинскаго уѣзда:</i>			
С. Сербичаны	534	33	400
С. Мошанецъ	538	33	400
<i>Оргѣвскаго уѣзда:</i>			
С. Перены	238	33	400
<i>Бендерскаго уѣзда:</i>			
С. Кирютня	1599	127	800 об.
<i>Сорокскога уѣзда:</i>			
С. Доркоуць	596	35	400

СПИСОКЪ

ПРАЗДНЫХЪ ПСАЛОМЩИЧЕСКИХЪ МѢСТЪ.

Наименованіе села и уѣзда.	Колич. душъ муж. пола.	Количество зем- ли. (дес. саж.).	Жалованіе отъ казны.
<i>Кишиневскаго уѣзда:</i>			
С. Поганешты	491	—	400
С. Барбоены	311	16	400
С. Логонешты	852	38	400
<i>Бендерскаго уѣзда.</i>			
Алексѣвская цер. при Миренской колоніи мал. прес.	—	—	800
С. Михайловка	948	49	400
С. Старые-Каушаны	654	99	—
<i>Бѣлецкаго уѣзда:</i>			
С. Сингурены	324	34	400
С. Александрены	434	40	400

Измаильскаго уѣзда:

Предм. г. Изм. «Броска»	761	99	—
С. Курчи	1281	60	400
С. Сатуновъ	1017	60	—

Хотинскаго уѣзда:

С. Котюжаны	1204	66	—
С. Баласинешты	583	36	—
Хотинскій соборъ	1631	—	—
С. Глинное	734	33	—

Оргѣвскаго уѣзда:

С. Сухулучены	758	99	—
С. Перены	238	33	—

Аккерманскаго уѣзда:

С. Волонтировка	2707	100	—
---------------------------	------	-----	---

УМЕРШИИ.

Священникъ ц. с. Деркоуць Сорок уѣз. Григорій Гербановскій,
19 марта.

III.

СПИСОКЪ

священниковъ, утвержденныхъ въ засѣданіи Кишиневскаго Епарх. Миссіонерскаго Совѣта--28 марта 1911 года въ должности окружныхъ помощниковъ епархіальныхъ миссіонеровъ.

Противосектантскихъ

Противораскольническихъ

2-го Аккерманскаго округа.

Священникъ ц. с. Антоновки
Георгій Поповскій.

Священникъ ц. с. Ивановки-Русской
Фока Гавриловичъ,

3-го Аккерманскаго округа.

Священникъ ц. с. Плахтѣевки
Іоаннъ Юсипенко и
Священникъ ц. с. Введенскаго
Николай Новаковъ.

» »
» »
» »
» »

4-го Аккерманскаго округа.

Священникъ ц. с. Тарутино Михаилъ Садовичъ.

1-го Бендерскаго округа.

Священникъ ц. с. Калфы
Владиміръ Георгіановъ.

Священникъ ц. с. Рошканъ
Владиміръ Прекуль.

2-го Бѣлецкаго округа.

Священникъ ц. с. Корнештъ
Іоаннъ Самсоновъ.

Священникъ ц. с. Унцештъ
Андрей Танасіевъ.

4-го Бѣлецкаго округа.

Священникъ ц. м. Рышкановки
Димитрій Валуца.

Священникъ ц. с. Варатика
Николай Дарданъ.

4-го Кишиневскаго округа.

Священникъ ц. с. Варзарештъ
Іоаннъ Громиковъ

» »
» »

1-го Оргѣвскаго округа.

Священникъ ц. с. Каменчи
Мина Церушъ.

Священникъ ц. с. Селиштъ
Василій Буланча.

3-го Оргѣвскаго округа.

Священникъ ц. с. Распопентъ
Давидъ Челанъ.

Священникъ ц. с. Сѣрково
Андрей Гроссу.

5-го Оргѣвскаго округа.

» »
» »

Священникъ ц. с. Бравичи
Василій Тучковскій.

1-го Сорокскаго округа.

Священникъ ц. с. Рубленицы
Іоаннъ Посторонка.

Священникъ ц. с. Раковецъ
Владиміръ Балтага.

2-го Сорокскаго округа.

» »
» »

Священникъ ц. с. Рудъ
Григорій Гашко.

3-го Сорокскаго округа.

Священникъ ц. с. Кайнаръ-Вѣвки Іоаннъ Ведрашко.

1-го Хотинскаго округа.

Священникъ ц. с. Бырново
Алексѣй Курмей.

» »
» »

5-го Хотинскаго округа.

Священникъ ц. с. Сербичанъ
Теодосій Свѣтенко.

Священникъ ц. м. Единецъ
Василій Дашкевичъ.

С Л О В О

ПРЕОСВЯЩЕННАГО СЕРАФИМА,

Епископа Кишиневскаго и Хотинскаго.

О духѣ міра.

Существуетъ убѣжденіе, будто-бы *всякое время имѣетъ свой духъ*. Поэтому, нѣкоторые даже образованные люди предполагаютъ, что человѣческая жизнь всегда складывается соотвѣтственно духу времени, вслѣдствіе чего разныя времена различествуютъ направлениемъ человѣческой мысли, неодинаковыми воззрѣніями и способами дѣйствій. Но умы, просвѣщенные болѣе Духомъ Святымъ, чѣмъ научной философій, во всѣ времена видѣли существованіе только двухъ духовъ и одновременно: духа міра и духа *иже отъ Бога*. Третьяго духа или иного никогда не было и, по ихъ убѣжденію, существовать не можетъ. Кто въ состояніи опровергнуть такое опредѣленіе?

Отцемъ небеснымъ созданъ былъ только совершенный человѣкъ, по Своему образу и подобію, обладатель духа божественнаго, *иже отъ Бога*. Духъ мірской—есть духъ, отпадшій отъ Бога, противополож-

ный по качествамъ и свойствамъ своимъ, духъ извращенный, своевольный, злобный. Следовательно, во все времена, послѣ грѣхопаденія перваго человѣка, въ міръ существовали и дѣйствовали оба духа, и добрый и злой. Весь вопросъ въ томъ: который изъ нихъ преобладалъ въ человѣчествѣ въ то или другое время? Какой изъ этихъ духовъ господствуетъ и нынѣ?

Это вопросы немаловажные. Современнымъ людямъ весьма необходимо обстоятельно излѣдовать и знать опредѣленно, какой духъ господствуетъ теперь, дабы ясно разумѣть: идетъ ли человѣчество естественнымъ, разумнымъ и правильнымъ путемъ, соответственнымъ христіанскому міросозерцанію, по пути Христову, для своего спасенія, или наоборотъ, путемъ ложнымъ, искусственнымъ, пагубнымъ и вражьиимъ, близкимъ къ міровоззрѣнію язычества, побѣжденнаго христіанствомъ? Но для опредѣленія господствующаго нынѣ духа, прежде всего надо знать признаки или отличительныя черты духа добраго, *иже отъ Бога* и духа отпадшаго, злого или духа міра, чтобы по этимъ даннымъ уже судить о современномъ преобладающемъ духѣ.

Подобнымъ опредѣленіямъ слѣдуетъ учиться у тѣхъ людей, которые своею премудростію и духовною ученостію превзошли всѣхъ до сихъ поръ жившихъ на землѣ, и это доказано неопровержимостію ихъ ученія и писаній. Я, конечно, подразумеваю св. Апостоловъ. Раскроемъ-же для этого вѣчно новую и необходимую книгу, — Новый Завѣтъ. Св. Апостоль Іоаннъ прямо отвѣчаетъ намъ на поставленный вопросъ. Онъ говоритъ: „Духа Божія (и духа заблужденія) узнавайте такъ: всякій духъ, который исповѣдуетъ Іисуса Хри-

ста, пришелшаго во плоти, есть отъ Бога. А всякій духъ, который не исповѣдуетъ Иисуса Христа, пришелшаго во плоти, не есть отъ Бога, но это духъ антихриста, о которомъ вы слышали, что онъ придетъ и теперь есть уже въ мірѣ“ (1 Іоан. 4, 2—3). Далѣе онъ объясняетъ, какъ они сами узнаютъ духа истины отъ духа заблужденія: „тѣ, кто отъ міра, потому и говорятъ по-мірски, и міръ слушаетъ ихъ“... „Мы отъ Бога; знающій Бога—слушаетъ насъ; кто не отъ Бога, тотъ не слушаетъ насъ“ (1 Іоан. 4, 5—6). Что такое міръ,—св. Апостоль опредѣляетъ такъ: „весь міръ лежитъ во злѣ“ (1 Іоан. 5, 19); „духа истины—міръ не можетъ принять, потому что не видитъ Его и не знаетъ Его“ (Іоан. 14, 17); «все, что въ мірѣ,—похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть отъ Отца, но отъ міра сего» (1 Іоан. 2, 16). Наконецъ, обращаясь къ вѣрующимъ, св. Апостоль пишетъ: „не любите міра, ни того, что въ мірѣ: кто любитъ міръ, въ томъ нѣтъ любви Отчей“. (1 Іоан. 2, 15). Св. Апостоль Іаковъ обличаетъ съ тою-же убѣжденностію извращенность міра сего. Онъ пишетъ: „дружба съ міромъ есть вражда противъ Бога. Итакъ, кто хочетъ быть другомъ міра, тотъ становится врагомъ Богу“ (Іак. 4, 4); „чистое и непорочное благочестіе предъ Богомъ и Отцемъ есть то, чтобы хранить себя неоскверненнымъ отъ міра“ (Іак. 1, 27). „Гдѣ мудрецъ? Гдѣ книжникъ? Гдѣ совопросникъ вѣка сего?“—вопросаешь другой св. Апостоль—Павель. „Не обратилъ-ли Богъ мудрость міра сего въ безуміе“? (1 Кор. 1, 20).

И не были-ли отношенія со стороны міра къ Божіимъ людямъ всегда безумными? Св. Апостоль пишетъ: „мы сдѣлались позорищемъ для міра! (1 Кор. 4, 9).

Мы какъ соръ для міра, какъ прахъ, всѣми попираемый до нынѣ!“ (1 Кор. 4, 13).

Въ чемъ же сказывалась мудрость ученыхъ того времени? Только въ одномъ: въ преслѣдованіи истины. Поэтому, Св. Апостоль говоритъ: „мудрость міра се-го—есть безуміе предъ Богомъ“ (1 Кор. 3, 19). Какъ-же понятны, послѣ всего этого, слова Самаго Иисуса Христа, обращенныя къ ученикамъ и ко всѣмъ Его послѣдователямъ: „если-бы вы были отъ міра, то міръ любилъ-бы свое; а какъ вы не отъ міра, но Я избралъ васъ отъ міра, потому ненавидитъ васъ міръ (Іоан. 15, 19). Горе міру сему отъ соблазновъ!“ (Мѡ. 18, 7).

Какія-же отличительныя черты духа міра? Духъ міра—есть духъ взаимнаго между людьми охлажденія, раздѣленія и враждованія. Онъ умножается и распространяется человѣческимъ самолюбіемъ или себялюбіемъ. Когда-же онъ становится источникомъ жизни людей, извѣстнаго времени, то и является господствующимъ духомъ.

Возлюбленные! Всмотритесь, какъ каждый себя-любивый челоѣкъ держится въ сторонѣ отъ другихъ, обособляется отъ своей среды, независимо живетъ и дѣйствуетъ, старается господствовать надъ своими ближними, помышляетъ постоянно о повышеніяхъ, о своемъ прославленіи и возвеличеніи и распространяетъ кругомъ себя холодность къ людямъ, равнодушіе, опасеніе за другихъ и увѣренность, что всѣ люди, кромѣ него, не заслуживаютъ довѣрія, что всѣ они—не надежны, не честны, не правдивы, бездарны и враждебны! Это и есть отличительныя признаки духа міра: холодность и равнодушіе, взаимное опасеніе, подозрительность, постоянный страхъ, предвидѣніе толь-

ко бѣдственнаго и худого, всегдашнее недовольство, отсутствіе довѣрія, разъединенность, вражда сословій, охлажденіе мірянъ къ духовенству и однихъ ученыхъ къ другимъ себѣ подобнымъ, въ особенности свѣтскихъ ученыхъ къ ученымъ духовнымъ и, наконецъ, упадокъ религіи.

Духъ міра—есть духъ похотствованія—„плоти, очесъ и гордости житейской“. Эта гордость житейская вѣчно жаждетъ своего удовлетворенія и услажденія, по сластолюбію, и при этомъ, непрестаннаго удовлетворенія самолюбивыхъ потребностей, чтобы ей всюду отдавали внѣшній почетъ, предоставляли возможность пользоваться непременно преимуществами надъ другими людьми и выгодами, а главное, питали ее чувственными наслажденіями—до пресыщенія. Поэтому, у себялюбивыхъ и гордыхъ людей нѣтъ предѣла потребностямъ и удовольствіямъ, которыя они разнообразятъ подъ вліяніемъ своего тщеславія. И всѣ эти непрестанныя похотствованія узаконяются обычаями міра, правилами и условіями жизни, такъ что естественная человѣческая простота, умѣренность, здоровая обстановка жизни, близость человѣка къ окружающей природѣ и удовлетворенность своимъ положеніемъ, вытѣсняются духомъ міра—безвозвратно.

Духъ міра—есть духъ гоненія и преслѣдованія всего святаго, небеснаго и божественнаго. Враждующій на Бога міръ не можетъ терпѣть ничего, что на себѣ носитъ печать божественнаго и напоминаетъ ему о Богѣ, ибо онъ находится во власти духа злобы, отца—лжи, врага Христова и христіанства.

Всѣми силами своего ума, изошряющагося неустанно въ изобрѣтательности, онъ гонитъ святую вѣру,

тѣснить благочестіе и добродѣтель. Это гоненіе искусно прикрывается тщеславнымъ просвѣщеніемъ, лицемернымъ образованіемъ, громкою проповѣдію о порази-тельныхъ открытіяхъ въ наукахъ, способствовавшихъ распознанію силъ природы, и въ особенности тѣмъ тономъ и сознаніемъ своего достоинства, передъ которыми охотно склоняются себялюбивые люди, ищущіе оправданія своихъ недостатковъ, пороковъ и дѣйствій, предъ собственной совѣстію.

Одни эти опредѣленія, перечисленные только что, указываютъ, насколько соотвѣтствуетъ современный нашъ духъ — признакамъ порочнаго духа міра вообще. Можно-ли намъ сомнѣваться, что нынѣ господствуетъ именно тотъ мірской духъ, который былъ побѣжденъ пришедшимъ на землю Іисусомъ Христомъ, Спасителемъ міра и долженъ постоянно побѣждаться силою Его, въ насъ находящеюся, если мы только принадлежимъ къ истинной, Христовой Церкви? Господство духа міра не удостовѣряетъ-ли о томъ, что несомнѣнно совершилось преступное отпаденіе множества людей отъ церкви, что нарушенъ ими живой союзъ со Христомъ и они учредили себѣ новое христіанство, именно — безъ Христа, т. е. мірское христіанство, преисполненное заблужденіями, самовольными опредѣленіями и постановленіями и нечестіемъ, которое готово поглотить все, что на его пути встрѣчается чистаго, святаго, истиннаго и духовнаго.

Духъ міра, — есть духъ злобный, вражескій, жаждущій мести, разрушенія и бѣдствій для большинства людей, въ особенности вѣрующихъ и непослушныхъ ему. Этотъ духъ ненавидитъ — истинную, чистую, святую любовь. Настолько онъ далекъ отъ истины и дѣй-

ствительной любви, что въ его себялюбіи и самолюбіи — отсутствуетъ понятіе о искренней любви къ самому себѣ. Мы не ошибемся, если скажемъ, что въ духѣ міра нѣтъ рѣшительно никакой любви, ни истинной, ни даже ложной, воображаемой. Заповѣдь о любви къ ближнему — есть для него пустой звукъ, ибо истинная любовь къ другому человѣку не можетъ проявиться тамъ, гдѣ нѣтъ даже любви къ самому себѣ.

Очевидно, что для того, чтобы любить ближняго, какъ самага себя, прежде всего нужно любить себя и притомъ истинно, разумно или правильно. Но, при разсмотрѣніи жизни людей преданныхъ современному духу міра, можно-ли признать, что они обладаютъ хотя-бы признаками духовной, чистой любви?

Всмотритесь, возлюбленные, въ дѣйствія, чувства и понятія людскія, намъ современныя! Любятъ-ли себя тѣ, которые, несомнѣнно, непрестанно и ненасытно желая себѣ одного добра, постоянно совершаютъ только зло? Такъ они льстятъ своему самолюбію, увѣряютъ себя въ томъ, что у нихъ никогда не было ни на умѣ, ни въ сердцѣ, т. е. самихъ себя обманываютъ, завѣдомо лгутъ даже себѣ, превозносятся свои мысли, желанія и поступки. Вѣдь это самообманъ, и окружающіе прекрасно все видятъ, замѣчаютъ и понимаютъ, тогда какъ увлеченный духомъ міра будто бы и невидитъ, что творитъ. Надъ такими людьми часто смѣются, они стараются увѣрить другихъ, какъ и себя, что все это недоброе — имъ принадлежитъ. Любятъ-ли себя тѣ, которые въ погонѣ за славою, удачею и честію или въ своемъ неудержимомъ и страстномъ влеченіи вообще, къ чему-бы то ни было, тратятъ безумно свое здоровье, свои умственные и

душевные силы? Можно-ли назвать любовью къ себѣ такое состояніе, какъ упорство въ невѣріи, легкомысленное отношеніе къ религіи вообще, къ основнымъ устоямъ нравственности и человѣческой жизни и въ особенности, когда родители настойчиво это внушаютъ своимъ дѣтямъ, не смотря на то, что они на ихъ глазахъ развращаются и гибнутъ. Развѣ дѣти имъ не дороже всего на свѣтѣ? Любятъ-ли себя тѣ воспитатели, преподаватели, профессоры, или, стоящіе во главѣ наукъ, ученые, когда они, ради излюбленнаго ими направленія, ради господствующаго въ мірѣ духа, ради своихъ тайныхъ и злыхъ цѣлей, наталкиваютъ молодежь, довѣренную имъ родителями и государствомъ, на насилія, увлекаая ихъ ложными умствованіями и надеждами, дабы воспользоваться для ихъ намѣреній физической и грубой силой ихъ, и черезъ это губятъ молодую жизнь, доводятъ своихъ послѣдователей—до каторги, до мѣста казни? И ради временнаго торжества въ мірѣ своихъ заблужденій, эти люди промѣниваютъ свою научную славу на позорное наименование—вожаками и главарями революціи! Какая тутъ любовь къ себѣ, когда люди стремятся къ униженію и позору, чуть не къ проклятію, только-бы имъ угодить современному духу міра! Не обладаютъ себялюбіемъ и тѣ общественные и государственные дѣятели, которые состоя въ лѣвыхъ партіяхъ, стремятся къ разрушенію государственныхъ устоевъ своего отечества, и способствуя развращенію и распаденію современнаго общества, тѣмъ неизбѣжно готовятъ гибель себѣ, своимъ дѣтямъ, семьямъ и друзьямъ. Можно-ли назвать любовью къ себѣ всякое увлеченіе духомъ міра, дѣлающаго столько зла?

Человѣкъ не состоитъ изъ одного тѣла; онъ есть духъ въ тѣлѣ. Что же любятъ въ себѣ эти самолюбивые и себялюбивые мірскіе люди? Неужели одно тѣло, а потому такъ неразумно предаются своимъ страстямъ, никогда не вспоминая о душѣ? Слѣдовательно, они любятъ въ себѣ только худшую часть, обреченную истлѣнію, подверженную болѣзнямъ и смерти. Можно-ли такую *полулюбовь*, когда человѣкъ не любитъ всего себя, назвать самолюбіемъ?

Заповѣдь-же о любви къ ближнимъ требуетъ всецѣлой, а не частичной любви и больше того, надо любить не одного и не десятокъ людей, а всѣхъ христіанъ, даже все человѣчество и прежде всего Отца небеснаго, своего Создателя и Христа Искупителя, потому что, не любя Бога, нельзя полюбить людей и въ томъ числѣ себя. Одинъ Богъ есть Истина и Любовь. Поэтому, если не будетъ въ сердцѣ человѣческомъ обитать божественная благодать, то не появится въ немъ чистой и святой любви. Какъ же далеки люди, побѣжденные духомъ міра, отъ любви къ Богу!

Ясно теперь, почему передъ нашими глазами, такая картина поразительнаго упадка вѣры, нравственности, любви, замѣнившейся равнодушіемъ и лицемѣріемъ и общаго развращенія, доходящаго до растлѣнія и гибели. Нѣтъ Бога въ сердцахъ мірскихъ христіанъ, а потому не можетъ быть правды, никакой любви, даже и къ самимъ себѣ. Мірской духъ настолько затмѣваетъ въ человѣкѣ его сознаніе, что люди не замѣчаютъ и той несообразности, что нельзя безъ любви собственной души имѣть любовь къ тѣлу ее проявляющему. Если-бы люди любили въ себѣ и въ ближнихъ только душу, а не тѣло, то они никогда бы не

рѣшились провозгласить въ мірѣ свободу зла и предпочли бы одну свободу добра, положивъ строжайшія препятствія всему противоположному. Слѣдовательно, тѣ люди, которые въ борьбѣ съ духомъ міра избираютъ средства неопредѣленные, нерѣшительныя, неясныя и говоря проще, *дѣйствуютъ полумърами, деликатничаютъ со зломъ*, являются виновными въ грѣхолюбіи.

Св. Апостоль учитъ, что помышленія плотскія—суть смерть и только помышленія духовныя—жизнь и миръ. Если живете по плоти, говоритъ онъ, то умрете духовно, а если духомъ умерщвляете дѣла плотскія, то будете живы. (Рим. 8, 6, 13). Аминь.

—◆—
* *
*

Чертогъ Твой вижу, мой Спаситель!
Какъ весь сіяетъ онъ во тьмѣ!
Но я войти въ него не смѣю:
Одежды свѣтлой нѣтъ на мнѣ.

О! просвѣти души одежды
Ты, давшій міру яркій свѣтъ
Любви, свѣтъ вѣры и надежды,
Спаستись чѣмъ можетъ человѣкъ.

Спаси меня; я погибаю;
Въ страстяхъ житейскихъ гибнетъ умъ;
Войти въ чертогъ Твой не дерзаю:
На сердцѣ столько тяжелыхъ думъ.

Онѣ томятъ и отдаляютъ
Меня, мой Спасе, отъ Тебя,
Мои одежды омрачаютъ,
Терзаютъ жалкаго меня.

Простри Свою благую руку,
Мой умъ и душу осѣни,
Не обреки меня на муку,
Дай въ Твой чертогъ и мнѣ войти.

О, помоги омыть слезами,
Моимъ страданьемъ искупить
Все, чѣмъ грѣшна, и въ новомъ, свѣтломъ
одѣяньи

Въ небесный Твой чертогъ вступить.

(П. Е. В. № 8).

Типы православнаго духовенства въ современной художественной литературѣ.

1., «Серебряный голубь» Андрея Бѣлаго.

Въ недавно вышедшей отдѣльнымъ изданіемъ большой повѣсти Андрея Бѣлаго «Серебряный голубь» ¹⁾ выведены, между прочимъ, два типа современнаго православнаго духовенства—прогрессивный о. Николай изъ академистовъ и о. Вуколъ Галокрестовскій, основной принципъ жизни и дѣятельности котораго выраженъ имъ самимъ въ словахъ: «не ходи на митинги къ крестьянамъ да не знайся со сволочью, живи, какъ другіе живутъ, и не будешь ты плакаться на то, что скоро ты будешь и разстригой, и арестантомъ».

Останавливаюсь на типахъ духовенства, выведенныхъ именно въ этой повѣсти потому, что повѣсть отмѣчена критикой какъ «знаменательное явленіе», а авторъ признанъ крупнымъ писателемъ. Основой повѣсти является Россія, русскій народъ, во всей его огромной разновидности.

«Андрей Бѣлый, по примѣру многихъ изъ нашихъ крупныхъ писателей, заглянулъ въ бездну, именуемую народомъ ²⁾». Авторъ развертываетъ предъ нами широкую символично-реалистическую картину современной Россіи. «Къ повѣсти поэтому

¹⁾ Повѣсть первоначально печаталась въ журналѣ «Вѣсы» за 1909 г.

²⁾ «Аполлонъ» 1910 г. № 9.

нельзя относиться равнодушно всѣмъ русскимъ. Все въ ней современное, живое,—вы это чувствуете, вы видите современныхъ намъ людей, современную жизнь»¹⁾).

Любопытно поэтому, какъ новый «крупный русскій писатель» изобразилъ современное православное духовенство. Это тѣмъ болѣе любопытно, что въ повѣсти больше всего удѣлено мѣста сектантскому движенію со всѣми его подчасъ безумными уклонами. А сектантствомъ сейчасъ занята вся духовная печать. Ему посвящено было нѣсколько миссіонерскихъ съѣздовъ; для борьбы съ нимъ сейчасъ духовенство мобилизуетъ всѣ свои наличныя миссіонерскія силы; само оно подъ натискомъ наступающаго со всѣхъ сторонъ сектантства призвано стоять зорко на стражѣ православія. Интересно поэтому прослѣдить, какъ изображаетъ современная русская художественная литература православное духовенство въ его отношеніяхъ къ зарождающемуся и развивающемуся на его глазахъ сектантству.

Говорить, впрочемъ, придется почти исключительно объ о. Вуколѣ, такъ какъ о. Николаю посвящено въ повѣсти только нѣсколько словъ. Очевидно, авторъ повѣсти считаетъ священниковъ типа о. Николая исключительнымъ, рѣдкимъ явленіемъ въ русскомъ духовенствѣ, въ которомъ преобладаютъ о. о. Вуколы.

Объ о. Николаѣ мы узнаемъ только, что онъ былъ изъ академистовъ, «маленькимъ, жгучимъ брюнетомъ» и что у него былъ «новенькій, аккуратный съ тормазомъ велосипедъ, отличнѣйшая резина и весьма успѣшный руль», на которомъ (велосипедѣ) онъ «въ одинъ прекрасный день взялъ да примчался къ о. Вуколу съ трезвономъ, срамомъ и перцемъ». Выскочилъ о. Николай изъ подъ навѣса безъ шапки, въ одномъ подрясникѣ—прыгъ: да и былъ таковъ: только пыль столбомъ на дорогѣ: маленькій, маленькій попикъ будто сморчекъ! Очки съѣхали на самый носа кончикъ (очки золотыя), шапка черныхъ волосъ колной; крестъ на сторону, черная борода почитай на самый легла руль, а спинка—дугой... Ну-ну! Смотрятъ люди, какъ за-жариваетъ себѣ попъ на велосипедѣ по проѣзжей дорогѣ съ рулемъ и въ вѣтриломъ надутой рясѣ, изъ подъ которой взлетаютъ рыжія голенища болтающихся съ подвернутыми полосатаго «цвѣта штиблетами ногъ, на забаву прохожимъ».

¹⁾ Вл. Боцяновскій. «Ут. Рос.» 19 іюля т. г.

Вотъ и весь о. Николай, ядовитый шаржъ на прогрессивное духовенство. Обрисовавъ его нѣсколькими штрихами, авторъ не счелъ нужнымъ больше къ нему возвращаться. Изъ вскользь брошенныхъ мыслей вслухъ о. Вуколомъ можно еще догадываться, что о. Николай устраивалъ митинги и кончилъ свою пастырскую карьеру растрогой.

Повторяю, авторъ повѣсти не считаетъ этотъ типъ характернымъ для духовенства и поэтому долго на немъ не останавливается.

За то о. Вуколу удѣлено въ повѣсти достаточно вниманія; его пастырская и частная жизнь изображена здѣсь до мельчайшихъ подробностей. Отношеніе къ нему автора все время шуточно ироническое; мѣстами иронія переходитъ въ брезгливость, шутка въ издѣвательство. Это очень характерно для современныхъ писателей, которые за исключеніемъ развѣ Чехова и Потапенко рѣзко отличаются въ этомъ отношеніи отъ классиковъ, отношеніе къ духовенству которыхъ совершенно иное.

Къ сожалѣнію, въ жизни и дѣятельности современнаго духовенства не мало отрицательныхъ сторонъ, которыя оправдываютъ отчасти такое отношеніе къ нему современныхъ писателей. Сквозь густо наложенныя черныя краски въ портретѣ о. Вукола такъ и проглядываютъ живыя черты, выхваченныя изъ дѣйствительной жизни; въ каждой почти черточкѣ его жизни и дѣятельности мы узнаемъ что то дѣйствительно видѣнное, слышанное. Въ отрицательныхъ сторонахъ жизни о. Вукола, которыя такъ настойчиво подчеркиваетъ авторъ,—наши общіе недостатки, въ которые мы должны вдуматься, съ которыми нужно серьезно бороться.

Вотъ, на примѣръ, сценка выхваченная изъ самой гущи жизни духовенства, которую въ нѣсколько, быть можетъ, только иной компановкѣ мы не разъ наблюдали въ недалекомъ прошломъ, да и сейчасъ не рѣдко можно наблюдать. «Славный попъ о. Вуколь, въ округѣ не встрѣтишь такого попа,—объѣзди всю округу на сорокъ верстъ! Трудолюбивый попъ, строгій молитвенникъ. А какъ выпьетъ эта вина, сейчасъ попадиху усадить на гитарѣ бренчать; играй, Маша, персидскій маршъ или: играй, Маша, житейское отложимъ попеченіе. А попадиха въ слезы: Вы бы, отецъ Вуколь, спать пошли. И пошелъ бы спать попъ, кабы не

дьячекъ. На то и дьячекъ, чтобы попа подзуживать. Плачетъ попадиха и трывкаетъ гитарой, а попъ сейчасъ это въ позицію: засучить рукава и воображаетъ себѣ въ утѣшеніе и дьячку въ назиданіе взятіе мощной крѣпости Карса. И ужъ знаетъ народъ: какъ затривкаетъ въ поповскомъ смородинникѣ гитара, значитъ попъ захмелѣлъ и воображаетъ взятіе крѣпости Карса; собираются въ кусты, глазѣютъ, лущать подсолнухи, хихикаютъ, тискаютъ дѣвокъ; тѣ визжатъ—и всѣ въ разсыпную. Хорошо изображаетъ попъ: а въ прочее время—ни-ни, чтобы чтонибудь такое: требовательный, хозяйственный, исправный; и съ дьячка часто взыскиваетъ».

Послѣ всякой такой выпивки о. Вуколь предъ иконой Царицы Небесной давалъ зарокъ не напиваться больше, но, конечно, зарокъ не выполнялъ.

Знакомая, хотя и не милая картина! Пристрастіемъ къ выпивкѣ, къ сожалѣнію, и сейчасъ отличаются многіе изъ среды бѣлаго и чернаго духовенства. Дѣла судныхъ столовъ Консисторій и данныя прошлогодняго монашескаго съѣзда убѣдительно тому доказательство. Этой слабостью многихъ изъ православнаго духовенства въ послѣднее время широко пользуются сектанты, одной изъ привлекательныхъ чертъ которыхъ является трезвость и воздержаніе.

Другая слабая сторона православнаго духовенства—угодливость предъ болѣе видными и вліятельными прихожанами и пренебрежительное отношеніе къ остальнымъ. Угодливость эта часто доходитъ до лакейства и отталкиваетъ отъ духовенства его паству, парализуетъ его вліяніе на нее. Правда, угодливость эта создавалась и культивировалась вѣками, ее создала и поддерживаетъ та матеріальная зависимость духовенства отъ паствы, въ которой оно все время находилось и сейчасъ находится. Вина, значитъ, не въ духовенствѣ одномъ. Однако дѣло отъ этого не мѣняется: угодливость и лакейство производятъ одинаковое отталкивающее впечатлѣніе независимо отъ причинъ ихъ создавшихъ.

Угодливость доводитъ о. Вукола до кощунства. Изъ чрезмѣрной угодливости къ богатому лавочнику, щедрому церковному жертвователю Ивану Степановичу, онъ намѣренно не замѣчаетъ продѣлки богомазовъ, которые, чтобы «сорвать на харчи съ крутого лавочника, возьми да и выведи подъ Ивана Степано-

ва нѣкіяго мужа, въ шуйцѣ пятиглавую церковку держитъ мужъ на манеръ просфоры, а въ карающей десницѣ изволитъ подъять мечъ тяжелый и вострый».

Когда на это обращаютъ вниманіе о. Вукола: «такъ, моль, и такъ, батюшка, срамота-то какая... испакостили церковь», онъ глазомъ не сморгнулъ: а ты, говоритъ, еще докажи, что тутъ есть намѣренное сходство... Степанычъ мужикъ богобоязненный, можетъ онъ молится этому угоднику, ну и носитъ на лицѣ молитвенника печать».

Что долженъ былъ пережить, въ какихъ условіяхъ вырости и воспитываться долженъ былъ о. Вуколь и ему подобные, чтобы дойти до такого униженія, до такого пресмыкательства предъ отъѣвшимся на мужицкихъ хлѣбахъ, на мужицкомъ горѣ кулакомъ—лавочникомъ.

Еще унизительнѣе роль о. Вукола предъ купчихой Ѳеклой Матвѣевной, которая приѣзжаетъ въ Цѣлебѣево (приходъ о. Вукола) для осмотра своихъ владѣній. Вслѣдъ за нею шагаетъ о. Вуколь, или попикъ, какъ его называетъ авторъ, чтобы рельефнѣе отъѣнить его жалкое прислуживаніе,—въ своей полотняной рясѣ и всякій разъ возглашаетъ послѣ ея чиха: «исполать вамъ Ѳекла Матвѣевна!.. Осторожнѣй, матушка, здѣсь бревнышко качается: оступитесь, часъ неровень!» суетится онъ сзади ея. Въ порывѣ угодливости онъ подбираетъ рясу, перепрыгиваетъ черезъ ручей и протягиваетъ купчихѣ руку, а самъ думаетъ: «возись вотъ съ этой дурехой». Последнюю фразу авторъ добавляетъ, вѣроятно, для того, чтобы читатель не приписалъ всѣ эти забѣганія и услуживанія о. Вукола его простотѣ, его обычной вѣжливости.

Такъ же униженно и заискивающе встрѣчаетъ «дуреху» и супруга о. Вукола, когда та послѣ осмотра своихъ владѣній появляется въ поповскомъ смородинникѣ пить чай.

Не можетъ о. Вуколь отрѣшиться отъ лицепріятія, отъ прислуживанья даже въ храмѣ. И тутъ у него паства рѣзко дѣлится на два разряда: избранныхъ, нужныхъ людей, и сѣрую толпу рядовыхъ прихожанъ.

«Кончилась служба; выйдя съ крестомъ, попъ принялся одавать пузатыми просфорами помѣщицу Уткину, шесть спѣлыхъ ея дочерей и тѣхъ изъ мужиковъ, что побогаче да поважнѣе, у

кого поновѣй зипунъ да сапоги со скрипомъ, кто мудростію своего ума сумѣлъ сколотить богатя хаты, скопить денежищъ тайной продажей вина—словомъ, того, чей норовъ покрупнѣе да прижимистѣе прочихъ; а когда отошли отъ амвона именитые сельчане, попъ довольно таки рѣшительно загулялъ крестомъ по носамъ толпившихся зипуновъ».

Въ домашнемъ быту о. Вуколь добродушный, гостепріемный хозяинъ. Онъ послѣ богослуженія всѣхъ приглашаетъ къ себѣ на пирогъ, приглашаетъ, правда, опять таки только чистую публику, знакомыхъ и незнакомыхъ: тутъ и помѣщица Уткина съ дочерьми, урядникъ, дьячекъ и случайно имъ встрѣченный герой повѣсти Дарьяльскій. Нѣтъ только здѣсь учительницы, съ которой у о. Вукола вѣчная война. «Съ какой-то Шкуреньковой учительницей считайтесь, отзывается о ней о. Вуколь. Хорошо, если бы земскій, волостной или кто иной, ну, тогда другое дѣло». Учительница въ свою очередь всегда «норовитъ въ самое больное мѣсто ужалить попа». До того доняла его, что тотъ не стерпѣлъ и засѣлъ строчить доносъ, будто учительница придерживается невѣдомаго вѣроисповѣданія и съ кавказскими молоканами въ сношеніе вступила для ниспроверженія властей. «Но потомъ сообразивъ, что земскій и урядникъ въ ту пору за грамотность держались крѣпко», разорвалъ доносъ.

Тутъ характерно подчеркиваніе авторомъ антагонизма между священникомъ и учительницей и намѣренно нелѣпый доносъ о. Вукола. Во всемъ этомъ сквозитъ тенденція автора обобщить единичныя явленія, правда, судя по газетнымъ извѣстіямъ и отчетамъ дирекціи училищъ, довольно нерѣдкія у насъ.

Такъ обычно проходитъ жизнь о. Вукола въ подслуживаніи у богатыхъ, пренебрежительномъ отношеніи къ остальнымъ прихожанамъ, въ мелкихъ передрягахъ съ учительницей, въ періодической выпивкѣ, въ мелкихъ хозяйственныхъ заботахъ; а когда уставалъ отъ всего этого и компаніи не было, онъ занимался тѣмъ, что «ловкимъ движеніемъ руки ловилъ въ кулакъ черныя, ползающія стаи мухъ и съ остервенѣніемъ бросалъ ихъ въ полоскательную чашку съ горячей водой. Двадцать пять, двадцать шесть, двадцать семь, считалъ онъ мухъ»...

Мимо о. Вукола, совершенно почти его не задѣвая, проходятъ политическія и соціальныя движенія, зарождаются и разра-

стаются религиозныя исканія; множатся секты, принимая самыя уродливыя формы и организаціи, выдвигая безсмысленныя подчасъ вѣроученія, а о. Вукольъ благодушествуетъ за пріятной бесѣдой съ урядникомъ, лавочникомъ и дьячкомъ. Даже тѣ не равнодушны къ происходящему вокругъ нихъ и по своему реагируютъ на него. А о. Вукольъ только отшучивается. «Слышали ли вы, матушка, о томъ, что будто самые эти сицилисты показались недалече отъ Лихова, разбрасывали гнусные свои листы; будто хотятъ они итти супротивъ Царя, чтобы завладѣть «Монопольей» и народъ спаивать, будто Царь разослалъ всюду грамоты, пропечатанныя золотыми буквами, призывая православныхъ бороться за святую церковь: «пролетаріи—де, соединяйтесь!», сообщаетъ новость дьячекъ.

— «Пфа!—крякнулъ на это о. Вукольъ. А ты знаешь, братъ, что есть пролетарій?... Пролетарій и есть тотъ, кто, значитъ, пролетитъ по всѣмъ пунктамъ, тоись вылетѣлъ въ трубу»... И на этомъ успокоился. Таково его отношеніе и къ слухамъ о зарождающейся сектѣ «серебряннаго голубя» и ея главарѣ, столярѣ Димитріѣ Миронычѣ.

«Я тѣхъ мыслей, што столяришку пора бы заарестовать: сектанты они да пакостники, я уже давненько за ними приглядываю», заявляетъ не разъ о. Вуколу его пріятель лавочникъ Иванъ Степанычъ. О. Вукольъ только ожесточенно отъ него отлевывается и потомъ успокаиваетъ его рвеніе: «ну, это ты, Степанычъ, думаю я, что по богобоязненности по своей; оно правда: Митрій Миронычъ текстами заинтересованъ, но чтожъ оно»... и затянувшись трубочкой, о. Вукольъ пріятно сплюнулъ въ солнцемъ сожженную мураву; въ глаза ему небо кидалось—чистое, нѣжное, бисеромъ блѣдныхъ барашковъ и высокой голубизной».

И только, когда его непререкаемый авторитетъ—урядникъ призналъ дѣло заслуживающимъ вниманія и обратилъ свой начальнической взоръ какъ на политическихъ (сицилистовъ), такъ и на сектантовъ, о. Вукольъ начинаетъ суетиться, но опять таки какъ то безпомощно, безтолково.

Когда къ нему по обыкновенію запросто приходитъ Дарьяльскій и по пріятельски шутливо говоритъ: «Здрасте, о. Вукольъ: чай да рай!» тотъ сначала какъ-то сухо подаетъ ему руку, но потомъ не выдерживаетъ и начинаетъ ему добродушно выгова-

ривать:—Вотъ то-то и оно, подмигиваетъ Дарьяльскому попикъ, —сами чуть ли не объ «откровеніи» поговариваете, а подъ шумокъ книжицы съ фіговымъ листкомъ выпускаете—пфа, пфа... Вотъ отецъ Бухаревъ все читалъ—читалъ «откровеніе»; подъ старость же лѣтъ взялъ да и женился... Вы бы съ «откровеніемъ» не шутили».

Потомъ начинаетъ захаживать въ избу къ главѣ сектантовъ. «Зайдетъ въ избу подъ предлогомъ всякимъ, и все то вынюхиваетъ: такъ и уйдетъ, несолоно хлебавши».

Этимъ и ограничивается его пастырская дѣятельность по отношеніи къ сектантамъ.

Таково православное духовенство въ изображеніи новаго «крупнаго русскаго писателя» въ его жизни и дѣятельности.

Приговоръ надъ духовенствомъ А. Бѣлымъ произнесенъ суровый, почти безъ смягчающихъ обстоятельствъ. И если дѣйствительно о. Вуколъ является типичнымъ представителемъ большинства, положеніе русской церкви придется признать безотраднымъ. Но на самомъ дѣлѣ новый крупный писатель сгустилъ краски: отрицательныя стороны духовенства шаржированы, а о положительныхъ намѣренно умолчано. Все же отмѣченные недостатки духовенства существуютъ, хотя и не въ такомъ сконцентрированномъ видѣ, на нихъ намъ указываютъ, сектанты на нихъ базируются, а потому на нихъ должно быть обращено серьезное вниманіе.

Священникъ Н. Стойковъ.

Можно-ли обвинять?

На Казанскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ среди духовенства раздавались голоса, что для успѣха миссіи и ограниченія отпаденій отъ православія необходимо самимъ пастырямъ воспрянуть, подтянуться, постоянно развивать и расширять свою пастырскую дѣятельность. Бездѣятельность, лѣность и неспособность къ высокому пастырскому служенію, замѣчаемая среди духовенства, служатъ главною причиною малоуспѣшности миссіи.

Такое заявленіе самихъ представителей православія подало поводъ нововременскому публицисту г. Меньшикову разразиться въ «Новомъ Времени» (№ 12250) цѣлой грозной филиппикой

противъ духовенства, обвиняя его почти во всѣхъ семи смертныхъ грѣхахъ. Разъ само духовенство сознаетъ свои недостатки, то оно, по мнѣнію г. Меньшикова, тѣмъ самымъ должно признать и свое полное духовное банкротство. Духовенству современному одно остается: уступить свое мѣсто людямъ апостольскаго духа.

Что это значитъ? Неужели сознаніе пастырями своихъ недостатковъ есть въ то же время признаніе своей негодности для пастырскаго служенія? Вѣдь, никогда и ни для кого не будетъ возможности сдѣлать *все*. Пастыри будутъ дѣлать долго и долго, много и много и все таки всего не сдѣлаютъ, всегда останется многое недодѣланнымъ, да и то, что сдѣлано, окажется несовершеннымъ. Таковъ ужъ удѣлъ человѣческой дѣятельности. Много было въ пастырской дѣятельности недостатковъ, несовершенства, промаховъ, опущеній и т. п.; все это есть и теперь, а въ будущемъ, можетъ быть, откроется несовершенство еще болѣе. Пастырская дѣятельность никогда не можетъ быть, *вполнѣ* идеальной, всестороннею, исчерпывающею всю полноту христіанскихъ требованій, по самому существу своему. Прибавьте къ этому человѣческія немощи, присущія и священнику, какъ человѣку, которыя (немощи) еще больше вносятъ въ его дѣятельность недостатковъ и удаляютъ ее отъ христіанскаго идеала.

Должно замѣтить, что сознаніе своихъ недостатковъ въ своей дѣятельности нерѣдко заставляетъ многихъ пастырей скорбѣть. Съ этимъ сознаніемъ неизбежны душевныя страданія въ жизни пастыря, а все это составляетъ естественное слѣдствіе разумаго и сознательнаго отношенія къ самому себѣ и своей дѣятельности. Такой священникъ желаетъ возвыситься до живого и сердечнаго отношенія къ своему дѣлу. Чѣмъ больше человекъ трудится, чѣмъ сердечнѣе относится къ своему дѣлу, чѣмъ больше вглядывается въ самага себя и контролируетъ свою дѣятельность, тѣмъ больше видитъ онъ недостатковъ какъ въ трудѣ своемъ, такъ и въ себѣ самомъ. А кто можетъ переживать все это безъ душевной скорби и страданія? Даже необходимо сознавать свои недостатки, потому что нѣтъ человека на землѣ безъ грѣха. Лучше быть грѣшнымъ мытаремъ и сознавать свои грѣхи для того, чтобы исправить ихъ, чѣмъ мнимо-праведнымъ

фарисеемъ, квіетистомъ и лишиться побужденія къ самоусовершенствованію.

А что большинство изъ духовенства трудится на нищѣ Христовой, при томъ часто при весьма неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, борются съ которыми приходится безусловнымъ терпѣніемъ и упорною настойчивостью,—это видно изъ многочисленныхъ сообщеній печати (конечно, не той, которая тенденціозно освѣщаетъ всякіе факты) о плодотворной дѣятельности духовенства. Пора, поэтому, перестать пѣть старую пѣснь о лѣности, нерадѣніи и неспособности духовенства къ высокому пастырскому служенію. Предъ фактами должны бы, кажется, умолкнуть обвинители и недоброжелатели духовенства. Не стоитъ, однако, забывать и того, что печать не можетъ сообщать непременно о каждомъ дѣятелѣ изъ духовенства. Пройдите вдоль и поперекъ по нашей матушкѣ Руси и сколько вы найдете въ глуши и захолустьяхъ скромныхъ тружениковъ изъ духовенства, посвятившихъ и посвящающихъ всѣ свои силы безъ остатка на служеніе пастырскому дѣлу, и между тѣмъ неизвѣстныхъ міру! Эти труженики могли бы составить честь любому другому сословію. При всемъ этомъ находятся люди, которые, повторяя зады, не только обвиняютъ православное духовенство въ бездѣятельности, но и не признаютъ за нимъ способности къ дѣлу; въ духовенствѣ нашли «истощеніе духа». Обвинители не указываютъ достаточныхъ фактовъ, чтобы имѣть основаніе для болѣе или менѣе логическаго построенія своихъ инсинуацій, а просто-на-просто, по примѣру тѣхъ безчестныхъ уличныхъ скандалистовъ, которые готовы ни за что сдѣлать всякую гадость первому встрѣчному, пришедшемуся имъ не по нраву, безъ всякихъ данныхъ осыпаютъ его бранью, представляя его никуда и ни на что не годнымъ.

Впрочемъ, въ наше время тѣмъ камнемъ, который находится въ рукахъ обвинителей духовенства и которымъ они часто бьютъ его изъ-за угла, является наше сектантство. Какъ появленіе сектантства, такъ и его распространеніе стало ходячимъ основаніемъ къ обвиненію духовенства въ бездѣятельности и неспособности оказывать вліяніе на народъ; этимъ пользуется каждый, кому припадетъ охота бросить грязью въ лицо почтеннаго нашего пастырства.

Въ апостольскія и въ первыя времена христіанства являлись сектанты, какъ напримѣръ, Симонъ волхвъ, николаиты, монтанисты, манихеи, аріане, новаціане, донатисты, валентиніане, аполлинаріане, гностики и друг., которые не только производили смуты въ юной христіанской Церкви,—но и разрушали въ нѣкоторыхъ вѣру (2 Тим. 2, 18). Но кто рѣшится въ появленіи и распространеніи сектантства осуждать св. апостоловъ, св. Поликарпа Смирнскаго, Иринея, Іустина Философа, Тертулліана, Кипріана Карѳагенскаго, Климента Александрійскаго, Аѳанасія Великаго, Иларія, Мартина Турскаго и др. святыхъ дѣятелей на нивѣ Христовой, во времена которыхъ появлялись еретики? Кто обвинить ихъ въ бездѣятельности?

Съ полною увѣренностью можно утверждать, что сектанты появляются и сектантскія бредни распространяются чаще всего независимо отъ пастырской дѣятельности. «Царство небесное, сказалъ Господь, подобно челоуѣку, посѣявшему доброе сѣмя на полѣ своемъ. Когда же люди спали, пришелъ врагъ его и посѣялъ между пшеницею плевелы и ушелъ. Когда взошла зелень и появился плодъ, тогда явились и плевелы. Когда же рабы предложили домовладыкѣ выбрать плевелы, онъ сказалъ имъ: оставьте расти вмѣстѣ и то и другое до жатвы и во время жатвы я скажу жнецамъ: соберите прежде плевелы и свяжите ихъ въ снопы, чтобы сжечь ихъ; а пшеницу уберите въ житницу мою» (Мѳ. 13, 24—30). По объясненію Господа «сѣющій доброе сѣмя есть Сынъ Человѣческій. Поле есть міръ, доброе сѣмя это сыны царствія, а плевелы сыны лукаваго, врагъ, посѣявшій ихъ, есть діаволъ» (37—39). Вотъ объясненіе того, какимъ образомъ на ряду съ истинно вѣрующими православными христіанами существуютъ ереси, расколы и секты, независимо отъ пастырской дѣятельности. По смыслу этой притчи, плевелы пребудутъ въ средѣ пшеницы до окончанія вѣка, не смотря на желаніе рабовъ выполоть ихъ. Можно ли послѣ этого всю вину въ появленіи и распространеніи разныхъ сектъ возлагать на духовенство? Но существованіе сектъ не только не освобождаетъ духовенство отъ противодѣйствія распространенію ихъ, но и налагаетъ на него обязанность всегда быть на стражѣ и охранять овецъ двора Христова, стараться приводить во дворъ и тѣхъ, которые блуждаютъ далеко отъ него по дебрямъ и распутіямъ. Изъ факта же существованія

сектъ выводитъ заключеніе о бездѣятельности духовенства болѣе, чѣмъ неосновательно.

Утверждаютъ, что сектанты имѣютъ больше вліянія на народъ, чѣмъ духовенство православное. Пусть такъ и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Вѣдь, нѣтъ той нелѣпости, которая не находила бы себѣ пріютъ въ душѣ тѣхъ или иныхъ личностей, склонныхъ къ принятію всего нелѣпаго. Умѣстно слово св. апостола: «будетъ время, когда здраваго ученія принимать не будутъ, но по своимъ похотямъ будутъ избирать себѣ учителей, которые льстили бы слуху. И отъ истины отвратятъ слухъ и обратятся къ баснямъ» (2 Тим. 4, 3—4). Въ чемъ же виноватъ священникъ, когда здраваго ученія, имъ проповѣдуемаго, не слушаетъ человѣкъ, добровольно отвращаетъ свой слухъ отъ истины и обращается къ лжеученіямъ (баснямъ).

Не каждый можетъ слушать голосъ истины, не каждый можетъ воспринимать ее умомъ и сердцемъ. —Слушать голосъ истины и воспринимать ее можетъ только тотъ, «кто отъ истины», у кого истина, или, по крайней мѣрѣ, стремленіе къ истинѣ запечатлѣно въ сердцѣ, что и побуждаетъ его искать истину всюду. Только тотъ стремится къ истинѣ и тотъ находитъ ее, кто любитъ свѣтъ и идетъ къ свѣту, а къ свѣту идетъ тотъ, кто поступаетъ по правдѣ. «Дѣлающій (же) злое ненавидитъ свѣтъ, и не идетъ къ свѣту, чтобы не обличились дѣла его, потому что они злы» (Ин. 3, 20).

Обвинители православнаго духовенства обыкновенно указываютъ на жизнь сектантовъ, которая, по ихъ мнѣнію, отличается бѣльшимъ благообразіемъ, отсутствіемъ нищеты, пьянства и жестокости, столь обычныхъ въ деревенскомъ бытѣ; женщина занимаетъ у нихъ болѣе высокое положеніе, пользуется въ семьѣ и въ общинѣ правами одинаковыми съ мужчинами. Спорить не будемъ; скажемъ только, что этотъ вопросъ спорный, такъ какъ есть много данныхъ, на основаніи которыхъ можно заключать совершенно противоположное о внѣшней жизни сектантовъ. Замѣтимъ, что внѣшнее благоповеденіе сектантовъ ничего еще не говоритъ въ пользу ихъ нравственности. Кажется, всѣмъ извѣстно, что нравственное ученіе разнаго рода сектъ

далеко не отличается высотой, а учение безпоповской секты положительно проповѣдуетъ безнравственность.

С. А. Арвентьевъ.

Отчего въ народѣ одичаніе?

Извѣстно, что нравственность находится въ самой тѣсной связи съ религіей. Упадокъ нравственности порождается прежде всего упадкомъ въ народѣ религіознаго настроенія. Атеизмъ, въ прежніе годы достояніе нѣкоторой части русской интеллигенціи, въ послѣднее время сталъ прсникать и въ народъ, производя нравственное опустошеніе, оставляя въ человѣкѣ дикіе инстинкты разнузданнаго звѣря.

Прежде религія для народа являлась главною основой' его міросозерцанія. Религіей была окутана вся народная жизнь, религія приучала народъ къ строгой выдержкѣ. Теперь же религіозныя традиціи начинаютъ терять свою силу, и, какъ слѣдствія паденія религіи, сталъ обнаруживаться низкій уровень нравственныхъ устоевъ въ народѣ, темными штрихами обрисованный въ книгѣ И. А. Родіонова «Наше преступленіе». Эта книга, выдержавшая уже четыре изданія, описываетъ, дѣйствительно, страшныя вещи, хотя ставшія чрезвычайно обычными. Она описываетъ, какъ пятеро молодыхъ парней, по подговору одного, въ пьяномъ видѣ звѣрски убили своего односельчанина, причемъ большинство изъ нихъ даже не почувствовало укоровъ совѣсти; какъ они, пьяные, плясали и мерзостно издѣвались надъ близкими ему, шедшими за его гробомъ, когда его на тряской телѣгѣ везли изъ больницы на деревенское кладбище; какъ ихъ потомъ судили и присудили къ самому ничтожному наказанію, и они подло и цинично бахвалились этимъ и молодчествовали въ то время, когда погибала честная крестьянская семья, у которой они отняли кормильца... Тема, взятая г. Родіоновымъ, могла бы стать поражающимъ обобщеніемъ всего того, что мы ежедневно читаемъ въ газетахъ, всего того, что мы видимъ и знаемъ о деревнѣ, о «власти тьмы», которая царитъ надъ деревней.

Мало этого. Тема г. Родіонова могла бы служить обобщеніемъ и того, что разлито въ атмосферѣ современности не только въ деревнѣ, но и въ городѣ, не только среди людей заби-

тыхъ, задавленныхъ нуждою, но и среди «интеллигенціи», изъ которой могутъ выходить господа Гилевичи, Тарновскія, наслѣдники кн. Огинскаго, отравители Бутурлина и проч.

Какое-то страшное и отвратительное впечатлѣніе получается послѣ прочтенія книги «Наше преступленіе». Приходится пугаться реалистически изображенной правды.

Только весь вопросъ въ томъ, проникаетъ-ли къ намъ, хотя мгновеніями, сквозь кошмары этой жизненной, эмпирической правды, свѣтъ иной, высшей правды? Ощущаемъ-ли мы, что не все сказано, не все кончено изображеніемъ какой бы то ни было конкретной правды,—что въ нѣдрахъ нашей души заключены возможности иного бытія, что все теперешнее ненормальное существованіе части русскаго общества это—сонъ, тяжкій сонъ, и когда нибудь она проснется отъ него и увидитъ все иными глазами. Все дѣло въ этомъ. Писатель сквозь изображаемые имъ ужасы долженъ намѣтить въ своемъ произведеніи, хотя ощутить мерцаніе иной, сверхъ-эмпирической правды. Однако, мы этого не видимъ въ «Нашемъ преступленіи» г. Родіонова.

Самъ авторъ уклоняется отъ выясненія причинъ духовнаго разоренія и развращенія народа. «Не моя задача, пишетъ онъ въ предисловіи къ своей книгѣ, перечислять причины, приведшія насъ къ такому печальному, ужасному положенію; но есть одна, на которую неоднократно указывалось въ печати и которую я не могу обойти молчаніемъ. Причина эта—разобщеніе русскаго культурнаго класса съ народомъ. Народъ брошенъ и безпомощный, невѣжественный, предоставленъ собственной бѣдной судьбѣ». Позволительно спросить, кого собственно авторъ разумѣетъ подъ культурнымъ классомъ? Вѣдь атеисты, бомбометатели, порнографисты и подобные имъ считаютъ себя насадителями культуры и на недостатокъ въ общеніи съ народомъ они не могутъ жаловаться. Только что пользы для народа отъ такого общенія? Примѣры на нашихъ глазахъ. Подальше отъ такихъ культуртрегеровъ.

Подобные просвѣтители народные, враждебно настроенные противъ церкви и государства, считаютъ себѣ все дозволеннымъ. Зачитываясь смрадными произведеніями современныхъ модныхъ писателей, они все болѣе и болѣе погружаются въ пучину раз-

врата, считая себя въ то же время благодѣтелями народа, борцами за свободу.

Пусть не подумаетъ кто-нибудь, что наши сужденія объ интеллигенціи не имѣютъ подъ собой твердой почвы. Нѣтъ. Мы говоримъ, на основаніи документальныхъ данныхъ. Вотъ какъ отзывается о русской интеллигенціи сама интеллигенція. «Нѣтъ интеллигенціи болѣе атеистичной, чѣмъ русская. Атеизмъ есть общая вѣра, въ которую крещаются вступающіе въ лоно церкви интеллигенски-гуманнистической, и не только изъ образованнаго класса, но и изъ народа. И такъ повелось изначала, еще отъ духовнаго отца русской интеллигенціи Бѣлинскаго. И какъ всякая общественная среда вырабатываетъ свои привычки, свои особыя вѣрованія, такъ и традиціонный атеизмъ русской интеллигенціи само собой разумѣющейся ея особенностію, о которой даже не говорятъ, какъ бы признакомъ хорошаго тона. Извѣстная образованность, просвѣщенность есть въ глазахъ нашей интеллигенціи синонимъ религіознаго индифферентизма и отрицанія...» («Вѣхи»). Этотъ-то безвѣрующій культурный классъ и обагрилъ русскую землю потоками невинной крови, огласилъ стонами невинныхъ страдальцевъ, воплями женъ, матерей и дѣтей, оросилъ слезами несчастныхъ обездоленныхъ людей. Онъ внесъ разрушеніе и развратъ въ свою семью, школу, въ среду рабочихъ и въ народныя массы. Духовная зараза, которой онъ зараженъ, заражаетъ молодое поколѣніе, населеніе столицъ, городовъ и деревень...

Нужно искать выхода изъ такого духовнаго маразма, въ которомъ можно задохнуться. Нужно выйти на свѣтъ изъ тьмы, нужно начать новую жизнь—жизнь съ Богомъ. Вѣдь мы живемъ въ христіанское время. Пора поэтому опомниться, подумать, что мы живемъ не въ хлѣву, а въ мірѣ *Божіемъ*, что міръ земной—Божія вотчина, гдѣ все должно быть исправно, что вся вселенная—одинъ общій Божій храмъ, гдѣ должны не поѣдать другъ-друга, а служить Богу и ближнему. Наши культуртрегеры потеряли истинную дорогу, ослѣпли; въ ужасѣ мечутся во всѣ стороны, но вездѣ тьма. Они хватаютъ другъ друга и чувствуютъ, что безсильны, не нужны одинъ другому. И «падаютъ трупики, какъ лунные муравьи» (повѣсть Уэльса). Но, повторяемъ, неужели для такихъ людей нѣтъ выхода? Конечно,

есть, если бы только они не забыли Того, Который есть для всякаго человѣка *путь, истина и свѣтъ*. И стоятъ эти люди одинокими, и Онъ для нихъ одинокъ. Вотъ эти-то два одиночества и нужно соединить, тогда станетъ ясна для всѣхъ дорога. *Нужно найти вѣру во Христа*. Какъ же эту вѣру найти? Считаю не лишнимъ привести по этому поводу два маленькихъ разсказа.

Къ аввѣ Исаии пришелъ инокъ.

«Авва, я не вѣрую... Подкрѣпи меня. Научи вѣрить»...

«Приди черезъ пять дней», сказалъ авва.

Инокъ пришелъ.

«Авва, изнемогаю, научи»...

«Приди черезъ пять дней».

Инокъ пришелъ и въ третій разъ и въ четвертый разъ.

«Авва, не могу ждать... Помоги моему невѣрію».

«Иди, ты вѣришь. Тотъ, кто такъ настойчиво, какъ ты, стучится въ двери, не можегъ остаться за дверями».

А вотъ другой разсказъ изъ жизни русскихъ подвижниковъ.

Къ подвижнику пришелъ одинъ бояринъ, жалуясь на слабую вѣру. Святой послалъ его на квасоварню варить квасъ.

«Я не умѣю, отче».

«Иди, вари».

Бояринъ повиновался. Конечно, квасъ оказался плохимъ.

«Иди и свари другой разъ».

Бояринъ трудился. И во второй и третій разъ квасъ былъ плохъ.

Наконецъ, онъ принесъ хорошій квасъ.

«Учись молиться, работай надъ молитвой, какъ съ этимъ квасомъ, и когда сумѣешь сдѣлать доброй и чистой молитву твою, ты увѣруешь», заключилъ святой.

Я привелъ эти два разсказа, чтобы напомнить старое и вѣчное правило: Богъ открывается только тѣмъ, кто ищетъ Его и открывается только въ молитвѣ.

Когда народъ увидитъ, что его руководители вѣруютъ въ Бога всѣмъ своимъ существомъ, и Богъ явленъ въ ихъ жизни дѣйствительной, тогда онъ не будетъ проявлять въ своей жизни такого одичанія; тогда, дѣйствительно, міръ станетъ свѣтлымъ. Я говорю: явленъ въ дѣйствительной ихъ жизни потому, что

нѣкоторые будто исповѣдуютъ Христа, но исповѣдуютъ только устами... Виденъ-ли Христосъ въ нашей жизни? Ощущается-ли Онъ въ насъ, въ нашей душѣ, въ нашихъ дѣлахъ? Но если Его нѣтъ, если Онъ ушелъ изъ нашей жизни, тогда неудивительно, что руководимый нами народъ думаетъ, что Его совсѣмъ нѣтъ. Тогда мы не слышали бы и не читали бы такихъ разговоровъ:

— А не все ли равно, што человѣкъ, што собака, спросилъ Лобовъ, переворачиваясь на нарахъ лицомъ къ Рыжову.

— Извѣстно, все едино,—подтвердилъ Сашка.—Одинъ чертъ... подохнуть, одна падалъ останется.

— Нѣтъ, не все едино: у человѣка-то душа, а у собаки души нѣту-ти...

— А ты видѣлъ человѣчью душу?—возбужденнымъ голосомъ опять поспѣшно спросилъ Лобовъ.

— Душу никто не видалъ. Богъ ее даетъ, Богъ и отнимаетъ.

— А ты Бога видѣлъ?—уже съ азартомъ приставалъ Лобовъ.

— Бога никто не видѣлъ.

— Такъ и не говори, разъ не видѣлъ. Нѣтъ Бога. Какой тамъ Богъ? Разъ не видалъ никто, значитъ, Его нѣту-ти. Нынче только дураки въ Бога вѣрятъ.

— Да ты чего, Феодоръ,—вставилъ свое замѣчаніе Сашка, ты думаешь живешь—живешь, ѣшь—ѣшь, помрешь, и еще твоя душа жить будетъ?

— А какъ же. И отвѣтъ Богу за свои дѣла понесу...

— Вотъ што собака, што мы всѣ, подохнемъ и дѣлу конецъ.

— Никакого Бога, никакой Божіей Матери нѣтъ... («Наше преступленіе»).

Да, такія религіозныя міровоззрѣнія будутъ исповѣдывать среди народа до тѣхъ поръ, пока руководители народные, даже исповѣдующіе Христа, не будутъ Ему говорить: «уйди отсюда», испугавшись, какъ гадаринцы за своихъ свиней, испугавшись, что Христосъ, войдя въ нашу жизнь, отниметъ часть житейскихъ благъ.

С. А. Арвентьевъ.

Религіозные мотивы въ повѣрьяхъ и обрядахъ бессарабскихъ молдаванъ.

(Продолженіе *)

IV.

Остановимся, однако, подольше на молдавскомъ народномъ обрядѣ.

Всѣ черты, которыми отмѣчается религіозно-бытовой складъ жизни бессарабскаго молдаванина, должны были съ необходимостью отразиться и на каждомъ изъ его обычаевъ и обрядовъ.

Мы видѣли, что молдаванинъ глубоко религіозенъ. Обиліе всякихъ празднованій показало намъ, что эта религіозность, главнымъ образсмъ, именно обрядоваго характера.

Первый же изъ молдавскихъ народныхъ праздниковъ открылъ нашимъ взорамъ глубокую и темную область религіозныхъ суевѣрій, которыхъ у молдаванъ безконечно много. Отсюда—молдаванинъ, при своей глубокой религіозности, не менѣе глубоко суевѣренъ.

Наконецъ, мы нашли, что молдавскія суевѣрья различнаго происхожденія: одни болѣе ранняго, другія позднѣйшаго, одни съ преобладающими языческими вліяніями, другія съ христіанскими, хотя каждое изъ нихъ совмѣщаетъ и тѣ, и другія вліянія. Иначе,—одни суевѣрія явно носятъ печать паганизации христіанскихъ идей, другія—христіанизации языческихъ представленій, благодаря чему одни болѣе, другія менѣе грубы. Но какъ тѣ, такъ и другія въ равной степени обозначаютъ неправильныя формы воспріятія народнымъ сознаніемъ православно-христіанскихъ истинъ. Какъ тѣ, такъ и другія продолжаютъ оставаться въ своей послѣдней сущности суевѣріями. Тѣ и другія требуютъ со стороны сельскаго пастыря просвѣтительной борьбы, которая привела бы къ поднятію народно-религіознаго сознанія до высоты сознанія евангельскаго, морально-христіанскаго и къ конечному сліянію этихъ двухъ еще такъ далеко отстоящихъ другъ отъ друга міровоззрѣній—воедино.

Какъ естественный продуктъ религіозныхъ понятій народа,

*) См. «Киш. Еп. Вѣд.» № 13 за 1911 г.

не менѣе, если даже не болѣе цалеки отъ чистой евангельской морали и молдавскіе народныя обряды.

Правда, какъ уже указано, они необходимо должны были отразить прежде всего религіозность молдаванина. И они, дѣйствительно, ее и отразили. Но отразили, конечно, съ ея своеобразными основными чертами, о которыхъ только что говорилось. Такъ, въ основу, въ корень обряда легло суевѣріе. Изъ него обрядъ и выросъ. Вѣнцомъ его явилось религіозное обрядовѣріе, приверженность къ внѣшней, такъ сказать, видимой, конкретной сторонѣ религіи при отсутствіи особенно глубокаго проникновенія въ ея сущность. Наконецъ, въ самое содержаніе молдавскаго обряда вкрались какъ слѣды паганизации христіанскихъ идей, такъ и слѣды христіанизации языческихъ представленій. И то, и другое—одновременно, въ тѣсномъ, неразрывномъ соединеніи, страннымъ образомъ примирившемъ слѣды двухъ противоположныхъ направленій въ развитіи религіознаго сознанія народа, отдѣленныхъ другъ отъ друга столѣтіями. Это соединеніе остатковъ паганизации съ обнаруженіями христіанизации составляетъ наиболѣе характерное свойство молдавскихъ обрядовъ въ отличіе ихъ отъ вѣрованій этого народа, въ которыхъ и то, и другое вліянія встрѣчаются лишь порознь. Самый же фактъ комбинаціи этихъ двухъ вліяній говоритъ о томъ, что молдавскіе обряды складывались и развивались гораздо медленнѣе всякихъ повѣрій и суевѣрій, вѣками переживая всѣ этапы развитія молдавскаго національно-религіознаго строя жизни. Окончательной формы они не получили и до настоящаго времени. Это видно и изъ того любопытнаго явленія, что тогда какъ праздники повѣрья и легенды молдаванъ въ разныхъ мѣстностяхъ Бессарабіи почти всегда одни и тѣ же, обычаи и обряды, при роднящей ихъ общей сущности и одинаковомъ смыслѣ, нерѣдко принимаютъ мѣстную окраску. Впрочемъ, это справедливо лишь относительно деталей. Молдавская нація вообще настолько вѣрна традиціямъ народной старины, что не позволитъ себѣ отступить отъ нихъ въ чемъ-либо существенномъ. А все несущественное представляетъ собою мѣстныя, современныя наслоенія, которыя пока не могутъ ни въ какомъ случаѣ послужить характерной особенностью молдавскаго религіозно-бытового обряда вообще. Потому очень нетрудно установить общій типъ

Этого обряда, т. е. найти рядъ народныхъ обычаевъ, которые, оправдывая на себѣ всѣ указанныя выше черты, послужили бы яркимъ образчикомъ остальныхъ молдавскихъ обрядовъ. Мы уже имѣли случай замѣтить, что обряды, неизмѣнно сопровождающіе празднованіе тѣхъ или иныхъ праздниковъ, довольно выразительно подтверждаютъ справедливость высказанныхъ положеній. Тутъ религіозность молдаванина, продуктъ ярко выраженаго церковнаго вліянія, выступаетъ въ странномъ сплетеніи съ языческимъ суевѣрнымъ страхомъ предъ карающей властью христіанскаго угодника. Начать хотя бы съ празднованія церковныхъ праздниковъ. Сначала молдаванинъ идетъ въ церковь, а потомъ по выходѣ изъ храма, считаетъ не менѣе обязательнымъ почтить святой день основательной выпивкой въ честь празднуемаго событія или святого. Съ большимъ трудомъ согласится онъ въ этотъ день запречь своихъ лошадокъ и повезти васъ куда-нибудь въ другую деревню или на станцію желѣзной дороги,—боится нарушить святость праздника и тѣмъ навлечь на себя небесную кару. Часто онъ понимаетъ, что такая строгость въ соблюденіи праздниковъ можетъ показаться смѣшной, а потому обыкновенно скрываетъ истинный мотивъ своего нежеланія ѣхать,—прибѣгаетъ ко всякимъ отговоркамъ въ родѣ того, что лошади угнаны въ табунъ или сильно устали на работѣ и т. п., за то, ради святости дня, онъ, при извѣстной зажиточности, охотно пригласитъ священника на водосвятіе—«осфиштаніе»—для благоденствія живыхъ и на поминки—«празникъ»—для упокоенія умершихъ; священная вода—«агіазма»—съ благоговѣніемъ хранится у молдаванъ въ домѣ, какъ цѣлебная и отвращающая всякія несчастья. У многихъ изъ состоятельныхъ поселянъ вошло въ благочестивый обычай совершать водосвятіе въ каждый первый день мѣсяца. Все это, однако, безъ яснаго пониманія духа ученія Христова, при чисто языческомъ представленіи отношеній между Богомъ и людьми; Богъ требуетъ для себя извѣстныхъ праздниковъ, богослужебныхъ обрядовъ,—человѣкъ долженъ ихъ выполнять, если не хочетъ влачить жалкіе дни на этомъ свѣтѣ и попасть въ адъ—на томъ. Тутъ паганизация христіанскихъ идей такъ тѣсно сплелась съ христіанизацией остатковъ язычества, что ихъ трудно отграничить другъ отъ друга.

Относительно народныхъ праздниковъ въ собственномъ смыслѣ молдаване употребляютъ очень характерное выраженіе «а фаче кутаре сѣрбѣтоаре»—«дѣлать» (праздновать) извѣстный праздникъ. «Дѣлать» праздникъ обозначаетъ не церковное, а именно народно-обрядовое празднованіе опредѣленнаго дня, которое при томъ (какъ показываетъ самое выраженіе «дѣлать», выполнять) считается такимъ же религіозно-обязательнымъ, какъ и церковное. Сидитъ ли молдаванинъ на сочно-зеленой майской травкѣ со стаканомъ вина въ рукѣ—онъ «дѣлаетъ» праздникъ весны—«Гарминдел» («фаче Гарминделул»); отдыхаетъ ли онъ отъ лѣтней страды, растянувшись на своей «приспѣ» (завалинкѣ),—онъ «дѣлаетъ» Прикопа или Марину—«ыл фаче пе Прикоп орь пе Мѣрина»; вырѣзываетъ ли изъ улья сотовый медъ или сбиваетъ яблоки въ саду,—готовится «дѣлать» св. Илью; несетъ ли женщина изъ погреба новый кувшинъ вина пирующимъ сосѣдкамъ—это она вмѣстѣ съ ними «дѣлаетъ» Марію Магдалину—и такъ до безконечности. На все—свои твердыя, религіозныя основанія и все это непосредственно и равноправно примыкаетъ къ молебнамъ, водосвятіямъ и панихидамъ, къ которымъ молдаванинъ такъ часто прибѣгаетъ въ эти дни. Въ такихъ религіозно-бытовыхъ явленіяхъ, однако, еще не видно обряда въ тѣсномъ смыслѣ слова, какъ извѣстной церемоніи, это—скорѣе народно-религіозные обычаи, которые, естественно, не могутъ дать вполнѣ точнаго понятія о молдавскомъ ритуалѣ. Такое именно понятіе мы получаемъ при разсмотрѣніи типичныхъ для всего молдавскаго религіозно-обрядового быта погребальныхъ обрядовъ бессарабскихъ молдаванъ. Къ обзору этихъ обрядовъ мы и приступимъ въ заключеніе настоящаго очерка.

Уже указывалось на то, какую роль въ религіозныхъ представленіяхъ молдаванъ играютъ покойники. Выяснялась и языческая основа молдавскихъ поминокъ, опредѣлялось ихъ мѣсто среди прочихъ молдавскихъ празднованій. Но все это даетъ лишь отдаленное представленіе о той важности, которую придаютъ молдаване погребенію, какъ прощанію покойника со здѣшнимъ міромъ, и о той тѣсной связи, которая связала въ этихъ обрядахъ дальніе отзвуки умершаго язычества со своеобразно переработанными элементами христіанства. Уже то, что неотступная мысль о покойникахъ проникаетъ собой весь строй молдав-

скихъ религиозно-бытовыхъ представленийъ говоритъ объ особенно выдающемся значеніи погребальныхъ церемоній у молдаванъ. И дѣйствительно, нѣтъ обрядовъ, которые бы молдаванинъ оставилъ большей торжественностью, чѣмъ обряды похоронные. Объясненіе этой торжественности погребальныхъ церемоній мы найдемъ какъ въ глубокой, непоколебимой вѣрѣ молдавскаго народа въ загробную жизнь, такъ и въ двухъ явно языческихъ особенностяхъ молдавскаго взгляда на смерть, какъ неизбежный конецъ жизни: фатализмъ и склонности къ антропоморфическимъ олицетвореніямъ.

Вѣра въ будущую жизнь также не лишена языческаго оттѣнка, въ которомъ сказалось вліяніе того же антропоморфизма: мы знаемъ, какъ чувственно представляютъ себѣ молдаване «тотъ свѣтъ» и какую основу приписываютъ они своимъ частнымъ поминаніямъ умершихъ; знаемъ также, что для нихъ тѣсное общеніе загробнаго міра съ міромъ здѣшнимъ, земнымъ, имѣетъ значеніе неоспоримой истины. Легко было отсюда сложиться такому народному представленію о смерти, что она—не что иное, какъ только переходъ въ лучшую, иную жизнь,—представленію въ своей сущности, однако, далеко не христіанскаго характера. Для молдаванина этотъ переходъ есть лишь перенесеніе земной обстановки въ небесныя сферы въ расширенномъ масштабѣ, раздвигающемъ до безконечности рамки направленной въ эту сторону народной фантазіи. Иначе говоря, за гробомъ, по представленіямъ молдаванъ, человѣкъ продолжаетъ свою земную жизнь, но уже по правдѣ Божіей, соотвѣтственно своимъ нравственнымъ заслугамъ: хорошій и благочестивый—пользуется высшимъ счастьемъ, которое только возможно для человѣка; на долю дурного и нечестиваго выпадутъ всякія несчастія и невыносимыя физическія страданія въ адскомъ неугасимомъ огнѣ. Умирая, человѣкъ какъ бы отправляется въ дальнюю страну,—и долгъ близкихъ окружить его въ часъ прощанья всею пышностью и торжественностью, какую позволяютъ средства. Въ фатализмъ молдавскаго народнаго міросозерцанія, представляющемъ дальнѣйшее развитіе только что изложеннаго взгляда на смерть, сравнительная пышность и торжественность погребальныхъ обрядовъ находитъ свою главную причину. Если смерть есть не что иное, какъ порогъ, за которымъ начинаетъ-

ся жизнь безконечная, не знающая неправды и насилій чловѣка надъ чловѣкомъ, счастья грѣшниковъ и страданій праведниковъ,—жизнь лучшая,—то не все ли въ сущности равно, раньше или позже перейдетъ чловѣкъ этотъ неизбѣжный для него порогъ, раньше или позже вступить въ эту лучшую жизнь? Правда, крѣпко не хочется ему уходить изъ этой земной жизни, сильно привязала она его къ себѣ... Родные, родственники, дѣти,—сироты плакать будутъ, убиваться, никто даже изъ близкихъ не замѣнитъ бѣдной вдовѣ потеряннаго ею друга жизни. Да и ему самому мила еще жизнь, не успѣлъ онъ, пожалуй, покончить всѣхъ счетовъ съ нею. А тамъ грѣховъ на душѣ набралось,—жутко страшно умирать, идти на праведный судъ Божій... А что будешь дѣлать? Вѣдь Богъ одинъ воленъ въ жизни и смерти, на все Его святая воля. У Бога каждому положено—кому сколько прожить, всѣ дни сосчитаны и въ книжкѣ записаны. У кого минетъ послѣдній изъ данныхъ ему дней земной жизни,—тотъ и переходитъ въ лучшую, небесную жизнь. Это—жребій чловѣка, и онъ ему долженъ безропотно подчиниться. Роптать за это на Бога—значитъ обременять свою душу лишними грѣхами. Нужно стараться только о томъ, чтобы не отойти безъ церковнаго напутствія. Родные же, провожая покойника въ лучшую жизнь, обязаны окружить его всѣмъ самымъ лучшимъ и красивымъ, что можетъ дать покидаемая имъ земная жизнь.

Таковы разсужденія молдаванина о смерти. Отсюда [опять-таки пышность и торжественность погребальныхъ обрядовъ.

Къ кому пришла смерть—тому на роду было написано умереть въ этотъ именно день или часъ («аша яу фост скрис»), у того—дней не стало («и с-ау сфыршит зилеле»). Чей домъ она посѣтила—тамъ она посланница Божія, исполнительница опредѣленій Всевышняго. Поэтому привыкшій ко всякимъ олицетвореніямъ молдаванинъ воплотилъ² и смерть въ образѣ святой, и если въ легендахъ другихъ народовъ фигурируетъ ангелъ смерти, то въ его повѣрьяхъ этого ангела замѣняетъ «сфынта моарте» (святая смерть). Святость посланнаго переходитъ такимъ образомъ, въ представленіяхъ молдаванина, и на посланницу. Къ встрѣчѣ этой таинственной, святой гостии, стоящей у входа въ будущую жизнь, молдаванинъ считаетъ своимъ хри-

стіанскимъ долгомъ приготовиться со строгой, молитвенной торжественностью.

И этой именно строгой, величавой, молитвенной торжественностью до конца проникнуть весь его погребальный ритуалъ, въ которомъ такъ же трудно провести грань между языческими и хрістіанскими понятіями, какъ въ изложенномъ фаталистическомъ взглядѣ на смерть опредѣлить, гдѣ кончается языческая вѣра въ слѣпой рокъ и гдѣ собственно начинается хрістіанская покорность волѣ Божіей.

Заболѣлъ близкій человѣкъ тяжелой болѣзью,—домашніе въ строгомъ молчаніи начинаютъ готовиться къ его уходу изъ этой жизни. Болѣзнь сама по себѣ не считается ими причиной смерти; по ихъ убѣжденіямъ, она только вѣстница ея: заболѣваетъ человѣкъ на смерть, какъ говорятъ молдаване «съ ну се дее моартя виноватъ», чтобы нельзя было приписать вины самой смерти, а можно было бы свалить ее на ту или другую болѣзнь, которая въ сущности не причемъ.

Еще за нѣсколько времени до момента разлученія души съ тѣломъ, когда у больного начинается предсмертная агонія, присутствующіе родные и знакомые (обыкновенно старыя женщины и повивальныя бабки, которыя въ такихъ случаяхъ навѣщаютъ умирающаго) принимаются готовить его къ смерти,—купаютъ и одѣваютъ въ новыя одежды, а когда все это выполнено, одна изъ старухъ зажигаетъ восковую свѣчу и держитъ ее надъ отходящимъ вплоть до послѣдняго издыханія. Умереть безъ свѣчи—страшное несчастье для покойника, одна мысль объ этомъ приводитъ вѣрующаго молдаванина въ ужасъ. Приготовивъ умирающаго къ кончинѣ, въ случаѣ особенно тяжелой агоніи, приглашаютъ священника читать отходную. Какъ только умирающій отдалъ Богу душу, его тѣло переносится изъ «камары» (комната для жилья) въ «каса маре» (комната для приѣма гостей и праздничныхъ собраній) и покрывается полотномъ, а на дворѣ подъ застрѣхой вывѣшивается небольшой кусокъ полотна, называемый «алтицей»; его назначеніе—извѣщать родственниковъ, сосѣдей и односельчанъ, что въ домѣ—покойникъ. Въ тотъ же моментъ «каса маре» наполняется женщинами—плакальщицами, которыя начинаютъ голосить и причитать надъ покойникомъ (ынчеп ал бочи пе морт). Голосить и причитать—со-

ставляетъ непремѣнную обязанность всѣхъ находящихся въ домѣ родственницъ,—не выполнившая этого долга подвергается беспощадному осужденію. Сущность этого древняго обряда языческаго происхожденія состоитъ собственно не въ *плачъ* по покойникѣ (голосящія не плачутъ), а въ *оплакиваніи*, въ монотонно—минорномъ напѣваніи извѣстныхъ народныхъ стиховъ соотвѣтствующаго содержанія съ правильно чередующимися повышеніями и пониженіями. Содержаніе и мотивъ «бочета» (лат. *vocitus*, голошенье) варьируется до безконечности; женщины какъ свои, такъ и постороннія, наперерывъ стараются перешеголять другъ друга этимъ искусствомъ; наиболѣе искусныя вызываютъ восторгъ и удивленіе остальныхъ («фрумос л-ау май бочит»). Вообще женщины, часто даже чужія, совершенно случайно очутившіяся въ домѣ покойника, очень охотно принимаютъ голосить, считая это своимъ нравственнымъ долгомъ по отношенію къ умершему.

Вслѣдъ за «бочетомъ» находящаяся тутъ же въ «каса матре» дочь или сестра покойника дѣвушка должна расплестъ косу въ знакъ глубокаго траура. Мужчины снимаютъ шапки на все время пребыванія покойника въ домѣ и выходятъ безъ нихъ въ случаѣ надобности даже за село; нерѣдко въ зимнюю стужу ѣздятъ въ сосѣднее мѣстечко за необходимыми покупками съ непокрытой головой. Еще когда покойникъ мучится въ агоніи,—начинаются приготовленія къ его погребальнымъ поминкамъ. Первымъ дѣломъ промывается пшеница для поминальнаго хлѣба и отвозится на мельницу. Достаточно молдаванину замѣтить серьезное ухудшеніе въ состояніи больного—и онъ принимается за промывку пшеницы, готовясь достойнымъ образомъ принять смерть къ себѣ въ домъ. Потому-то часто, на вопросъ, какъ себя чувствуетъ больной или больная, молдаванинъ безнадежно отвѣчаетъ:—Ръу, таре ръу; ам спълат дяму грыу ши л-ам дус ла моаръ... (плохо, очень плохо; я уже промылъ пшеницу и повезъ ее на мельницу)...

Какъ только больной умеръ, начинается печенье хлѣба изъ готовой уже муки. Пекутъ тѣ же голосящія и причитывающія женщины, причемъ стараются по возможности совмѣстить эти два занятія. Вмѣстѣ съ печеньемъ хлѣба идетъ и приготовленіе кушаній для поминокъ. Между тѣмъ женщинъ въ домѣ становится

все больше и больше; всѣ они сначала поголосятъ надъ покойникомъ, а потомъ пойдутъ помогать старухамъ въ приготовленіи хлѣба и кушаній,—это ихъ святой долгъ. Изъ хлѣба первыми пекутся такъ называемые «чей ноу колъчей» (дословно—тѣ девять калачиковъ). Эти девять калачиковъ тотчасъ относятся въ «касу маре», гдѣ ими обкладывается голова покойника. Другіе калачи носятъ названія—«колачй де мынъ» («ручные калачи», круглой формы; раздаются участникамъ поминокъ) и «кристъцй»—(въ формѣ креста; идутъ въ пользу причта).

Послѣ вечерней панихиды въ домъ покойника собирается молодежь,—парни и дѣвушки. Въ «каса маре», гдѣ лежитъ умершій, начинается своеобразное прощаніе молодежи съ покойникомъ, называемое у молдаванъ «ла привегй»—(ночное бдѣніе). Затѣваются веселыя игры, слышны безконечныя шутки, смѣхъ; рассказываются поочередно сказки, задаются другъ другу загадки,—и въ такомъ оживленіи проходитъ вся ночь. Покойникъ, по представленіямъ молдаванъ, не долженъ ни одной минуты оставаться въ комнатѣ одинъ, иначе онъ заскучаетъ и разсердится на своихъ домашнихъ. Послѣдніе должны постараться за короткое время пребыванія его въ своемъ домѣ до погребенія доставить ему всѣ удовольствія, которыми онъ когда либо пользовался при жизни; веселые, жизнерадостные парни и дѣвушки своими шутками и смѣхомъ должны напомнить отошедшему о свѣтлыхъ дняхъ его молодости и вмѣстѣ съ тѣмъ своимъ молодымъ задоромъ разсѣять его жуткое одиночество на порогѣ жизни и смерти. Болѣе глубокое объясненіе этотъ обрядъ находитъ въ томъ, что для молдаванина смерть не страшна; она такое же естественное явленіе, какъ и жизнь, а для человѣка благочестиваго, добродѣтельнаго она—самое радостное изъ радостныхъ событій, и не можетъ быть другого болѣе яркаго выраженія этой мысли, какъ веселая оживленность юныхъ лицъ надъ застывшимъ въ вѣчномъ покоѣ лицомъ отошедшаго въ лучшую жизнь.

На другой день продолжаютъ приготовленія къ погребенію. Готовятъ ѣду для поминальнаго обѣда, все еще пекутъ хлѣбъ,—всего этого въ день похоронъ пойдетъ солидное количество. Тѣ же хлопотливыя женщины вырѣзываютъ куски полотна—«тътушіи» для причта и занимаются украшеніемъ «по-

мовъ»—древесныхъ вѣтвей, имѣющихъ видъ миниатюрныхъ деревьевъ («пом»—дерево) и унизанныхъ всякими фруктами, конфектами и народными лакомствами. «Помы» являются непремѣннымъ атрибутомъ похоронъ и символизируютъ собою райскія деревья. Изъ нихъ одинъ, самый большой, такъ сказать—царь-дерево помѣщается въ деревянной коновкѣ, налитой до половины водою и во время отпѣванія въ церкви ставится у изголовья покойника. По выходѣ изъ храма, коновка съ большимъ «помомъ» дается «де поманъ» кому либо изъ близкихъ родственниковъ усопшаго. Нѣсколько малыхъ «помовъ» кладется въ «чуръ»—поминальное сито съ четырьмя большими калачами—«крестъцѣй» и нѣсколькими маленькими. «Чуръ», какъ извѣстно, цѣликомъ идетъ въ пользу причта.

Женщины, выполняющія всѣ эти работы, поминутно угощаются хозяиномъ или хозяйкой дома водкой, что считается ихъ единственнымъ вознагражденіемъ за добровольно взятыя на себя хлопоты. Каждой рюмкѣ при этомъ предшествуетъ глубокой вздохъ, крестное знаменіе и относящееся къ покойнику пожеланіе: «Думнезеу с-ал ерте!» («Да проститъ его Богъ!»—Вполнѣ соотвѣтствуетъ русскому: «Царствіе ему Небесное!»).

Хоронится покойникъ обыкновенно на третій день послѣ смерти. За все время, пока онъ лежитъ въ «каса маре», домъ его посѣщается односельчанами, главнымъ образомъ, опять-таки женщинами. Посѣщенія эти по-молдавски называются «кулумынаря ла морт» (со свѣчей къ покойнику), обыкновенно сосѣдки женщины собираются группами, по пяти-шести душъ и направляются гуськомъ въ домъ покойника. Войдя въ «касу маре», набитую народомъ, пробираются къ умершему, становятся на колѣни, бьютъ предъ образомъ поклоны, одна за другой зажигаютъ свѣчи, творятъ крестное знаменіе и, по христіанскому обычаю, прикладываются къ образку на груди покойника, и нѣкоторыя, питавшія къ нему при жизни особенное уваженіе, и къ его рукѣ; потомъ подходятъ къ стоящему въ сторонѣ столу, выпиваютъ традиціонную рюмку водки, съ пожеланіемъ «Думнезеу с-ал ерте», и въ тихомъ, глубокомъ благоговѣніи выходятъ, пропуская новыя группы.

Въ день погребенія похоронная церемонія вращается главнымъ образомъ вокругъ раздачи «де поманъ» ковровъ, кусковъ

полотна и утиральниковъ, которые соотвѣтственно своему значенію, носятъ названіе «мостовъ» («подурй, пунцй»). Молдаване вѣрятъ, что по этимъ именно мостамъ совершитъ покойникъ свой путь отъ мытарства къ мытарству («де ла вамъ ла вамъ»).

Подобно мытарствамъ, «мосты» бываютъ различной значительности. Первый «мостъ» большой, разноцвѣтный узорчатый коверъ (такъ называемый «рѣзбой») разстиляется при входѣ изъ дома похоронной процессіи, на порогѣ. На коверъ непременно кладется подушка. Процессія останавливается для выслушанія ектеніи (эта остановка называется «проходъ»), потомъ проходитъ по разостланному ковру, а коверъ съ подушкой снимается и дарится «де поманъ» кому-нибудь изъ родственниковъ покойнаго. Второй «мостъ» устраивается въ воротахъ двора, гдѣ такимъ же порядкомъ разстиляется другой коверъ, поменьше перваго и уже безъ подушки. Читается ектенія, проносятъ покойника, и мостъ опять снимается и дается «де поманъ». Съ третьяго «прохода» «мосты» становятся все меньше и незначительнѣй; большіе ковры замѣняются ковриками («лѣнчерашй»), а поближе къ кладбищу и просто небольшими кусками полотна. «Мостовъ» устраивается какъ можно больше, и тянутся они длиннымъ рядомъ до самаго кладбища.

Малые, болѣе незначительные мосты раздаются уже не родственникамъ, а чужимъ людямъ, по большей части извѣстнымъ своей бѣдностью. Вмѣстѣ съ мостомъ непременно вручаются неизмѣнные «колак ши лумынаре»—калачъ и свѣчка.

Всю дорогу, отъ дома до кладбища, родныя и постороннія покойнику женщины причитаютъ на всѣ лады, умолкая только во время ектеніи; по окончаніи ея одна изъ нихъ обыкновенно бросаетъ «де поманъ» горсть волошскихъ орѣшковъ и конфектъ въ толпу сопровождающихъ процессію дѣтей, причитанія возобновляются, и шествіе двигается впередъ.

На кладбищѣ причитанія становятся особенно громкими. Женщины, столпившись у края могилы, сливаютъ отдѣльныя слова и мелодіи въ одинъ общій жалобный мотивъ, заключая его дружными всхлипываніями. Это—последнее прости, которое шлютъ родныя и чужія умершему. Сильнаго плача, однако, и тутъ не слышно,—мертвымъ, по повѣрьямъ молдаванъ, въ большую тягость слезы живыхъ (*не морцй ый дор лѣкримиле но-*

астре). На томъ свѣтѣ, какъ думаетъ молдаванинъ, эти слезы собираются въ большой сосудъ, который кладется на спину покойнику; такъ и носить онъ, бѣдняга, бремя пролитыхъ за него слезъ, и много надо поминокъ, чтобы освободить его отъ этой тяжелой ноши. Потому-то лучше не наполнять сосуда слезъ.

Предъ самымъ опусканіемъ въ могилу, при непрерывныхъ причитаніяхъ, вкладывается въ руку умершаго мѣдная монета для уплаты за переправу на тотъ свѣтъ. Въ моментъ опусканія гроба одна изъ родственницъ передаетъ чрезъ могилу кому-нибудь курицу. По окончаніи погребенія, могильный холмъ трижды поливается виномъ изъ стакана. Свѣжая могила въ теченіе трехъ дней послѣ погребенія окуривается ладаномъ кѣмъ-нибудь изъ близкихъ покойнику лицъ.

На дому послѣ похоронъ совершаются поминки. Поднимаютъ, по обычаю, въ воздухъ «чуръ» при трепетномъ мерцаніи горящихъ свѣчей,—свѣчи воткнуты въ калачи, красующіеся, по традиціи, передъ каждымъ приборомъ. Обильно угощаются участники поминальной трапезы водкой и виномъ «де суфлетул рѣпосатулуй» (за душу почившаго). То и дѣло слышится неизмѣнное, обязательное въ такихъ случаяхъ пожеланіе: «Рѣпосатул съ се одихняскъ, яр ной съ трѣим, съ—л поминим» (почившему упокоеніе, а намъ—жить да поминать его). Послѣ колебанія «чура» *) и пѣнія «Вѣчника поменире», всѣ встаютъ, гасятъ свѣчи, берутъ калачи и расходятся.

Обѣдовъ устраивается нѣсколько; по уходѣ причта, они изъ дома переносятся во дворъ, гдѣ разстилается длинная и широкая «веретка» (рядно), которая уставляется кушаньями для прибывающаго народа. Вокругъ рядна садятся безъ разбору мужчины, женщины, старики, старухи и дѣти; ѣдятъ, пьютъ за поминъ души покойника, берутъ свои калачи и уходятъ. Обѣды часто затягиваются до позднего вечера.

На томъ мѣстѣ, гдѣ умеръ покойникъ, женщины зажигаютъ «тоягъ»—длинную восковую свѣчу, приготовленную ими для этой цѣли. Нижняя часть «тояга» свергывается въ кружокъ; назначеніе его—горѣть три дня и свѣтитъ душѣ усопшаго, которая, по глубокому убѣжденію молдаванъ, прежде чѣмъ отпра-

*) Колебаніе «чура» вообще символизируетъ исполненіе общепринятаго пожеланія—«съ-й фіе църына ушоарь!»—да будетъ легка ему земля!

виться по мытарствамъ, въ продолженіе трехъ дней пребываетъ у себя въ домѣ и прощается со всѣмъ, что было ей близко и мило въ этой жизни.

Всѣ предписанныя церковью поминовенія молдаване, какъ уже было замѣчено, соблюдаютъ съ чрезвычайной строгостью. Цѣль этихъ поминовеній, какъ мы видѣли раньше, далеко, однако, не церковная: для молдаванина панихида—не столько молитва за упокоеніе души усопшаго, сколько средство общенія съ загробнымъ міромъ; онъ увѣренъ, что панихидой ободряетъ покойника; который радуется при мысли о томъ, что его на землѣ не забыли; неизбежныя при поминовеніи умершихъ «*поманы*» раздаются имъ для того, чтобы доставить покойнику все необходимое человеку въ земной жизни, потому что тамъ, за гробомъ, какъ увѣренъ молдаванинъ, такая же въ сущности жизнь, какъ и здѣсь; потому-то что подаришь «*де поманъ*» здѣсь, то получить покойникъ тамъ. По народнымъ воззрѣніямъ молдаванъ, особенно сильно нуждается умершій во всѣхъ удобствахъ земной жизни тотчасъ послѣ своей разлуки съ нею, время хожденія по мытарствамъ: ему постоянно не хватаетъ то пищи, то питья, то одежды. И молдаванинъ спѣшитъ удовлетворить эти его потребности: въ день похоронъ онъ нерѣдко даритъ «*де поманъ*» цѣлый столъ, покрытый скатертью и уставленный тарелками съ разными кушаньями и графинами съ водкой и виномъ для покойника; а къ сороковому дню онъ уже подумываетъ о томъ, чтобы справить ему полную праздничную одежду, начиная шапкой и кончая сапогами.

Представленная только что картина молдавскаго погребальнаго ритуала, будучи наиболѣе яркимъ выраженіемъ тѣснаго сплетенія въ народномъ сознаніи языческихъ элементовъ съ христіанскими, въ какихъ нибудь детальныя комментарія не нуждается. Послѣ сдѣланнаго анализа религіозно-бытовыхъ понятій и основныхъ, существенныхъ особенностей повѣрій и обрядовъ бессарабскихъ молдаванъ, каждая изъ подробностей этой картины, взятая сама по себѣ, уже достаточно краснорѣчива. Какъ слѣды паганизации христіанскихъ идей, такъ и позднѣйшія обнаруженія христіанизации языческихъ представленій нашли тутъ наиболѣе рельефныя очертанія, такъ что совсѣмъ не трудно отыскать въ молдавскихъ погребальныхъ церемоніяхъ то

и другое. Труднѣе подчасъ бываетъ ихъ разграничить. Указывалось уже на то, какъ неясно происхождение фаталистическаго мотива, красной нитью проходящаго во всей похоронной обрядности молдаванъ. Съ перваго взгляда тутъ какъ будто просто христіанская преданность волѣ Божіей, но при болѣе внимательномъ анализѣ прозрачно сквозятъ черты греко-римской языческой вѣры въ слѣпой рокъ (*Moīra, Fatum*). И неизвѣстно, гдѣ кончается одно, и гдѣ начинается другое. Къ ученію православной церкви о мытарствахъ въ молдавскихъ народныхъ представленіяхъ примѣшались явственные, грубые слѣды паганизации христіанскихъ идей (въ повѣрье о «мостахъ»), которые придаютъ вѣрованію языческой колоритъ, и такъ далѣе. Отдѣльные признаки паганизации и христіанизации разбросаны въ молдавскомъ погребальномъ церемоніалѣ повсюду и, какъ замѣчено, мирно уживаются другъ съ другомъ. Языческіе элементы рѣзко бросаются въ глаза своею мифологической окраской, часто вызывающей въ памяти тѣ или иныя фигуры изъ области греко-римскихъ мифовъ, такъ что въ ихъ происхожденіи не можетъ быть ни тѣни сомнѣнія. Достаточно вспомнить мѣдную монету, которую суютъ покойнику въ руку предъ опусканіемъ гроба въ могилу. Вѣдь это тотъ же древне-греческій оболъ, назначавшійся для уплаты покойникомъ мрачному мифическому перевозчику Харону за переправу чрезъ адскую рѣку Стиксъ.

Христіанскія представленія, при всемъ своемъ преобладающе-обрядовомъ характерѣ, при всѣхъ языческихъ наслоеніяхъ, все-таки, какъ мы видѣли, мягко и тепло окутаны свѣтлой дымкой глубокой, благоговѣйной религіозности. У гроба покойника, при свѣтѣ мерцающихъ свѣчъ, молдаванинъ, набожно осѣняя себя широкимъ истовымъ крестомъ, возноситъ ко Всевышнему горячія молитвы объ его упокоеніи и тутъ же, припоминая прожитую имъ жизнь, проситъ Господа о прощеніи своихъ вольныхъ грѣховъ, о мирной христіанской кончинѣ.

Ясно отсюда, что въ религіозномъ чувствѣ у нашихъ молдаванъ недостатка нѣтъ. Напротивъ, оно часто сильнѣе, чѣмъ у другихъ православныхъ націй, населяющихъ Бессарабію. Все дѣло—въ освобожденіи внѣшнихъ проявленій этого чувства отъ постороннихъ примѣсей, придающихъ этимъ проявленіямъ несвойственную ихъ сущности, отдаляющую ихъ отъ евангельска-

го сознанія форму. Приблизить, насколько возможно, наличныя религіозныя представленія бессарабскаго молдаванина къ этому евангельскому сознанію—вопросъ не только миссіонерскаго, но и огромнаго морально-практическаго значенія, болѣе или менѣе удовлетворительное разрѣшеніе котораго составитъ краеугольный камень возрожденія и процвѣтанія молдавскихъ приходоу нашей епархіи.

Ал. Матвѣевичъ.

Памяти псаломщика села Мындрешть Нестора Цугуя.

6-го марта сего года скончался отъ удара лошади копытомъ въ животъ псаломщикъ села Мындрешть 1-го округа Бѣлецкаго уѣзда Несторъ Леоновъ Цугуй, на 55 году жизни.

Покойный родился въ селѣ Маркоуцахъ Оргѣвскаго уѣзда въ 1856 году и былъ сынъ пономаря. Мать покойнаго, овдовѣвъ и имѣя большую семью перешла на жительство въ село Машкоуцы, гдѣ она, какъ уроженка этой деревни, имѣла малое резешское недвижимое имущество. Здѣсь въ Машкоуцахъ выросъ покойный и женился.

Систематическаго образованія покойный не получилъ нигдѣ, а учился первоначально въ одномъ изъ бессарабскихъ монастырей, кажется въ Добрушѣ, и спустя долго потомъ, когда открылся псаломщическій классъ, онъ поступилъ въ него, будучи уже семьяниномъ, имѣя жену и четверо душъ дѣтей. Здѣсь обратилъ на него вниманіе блаженной памяти Преосвященный Аркадій. Особенно хорошо онъ пѣлъ по молдавски и прекрасно зналъ молдавское пѣніе съ голоса по слуху и по нотамъ. Преосвященный Аркадій часто заставлялъ его перелагать на ноты что-либо изъ того, что онъ зналъ по-молдавски. За это покойный Цугуй удостоился получить мѣсто псаломщика на хорошемъ приходѣ—село Мындрешты. Черезъ два года за хорошую службу въ должности псаломщика покойный былъ утвержденъ въ должности и посвященъ въ стихарь, который онъ очень рѣдко одѣвалъ по той причинѣ, что, имѣющійся въ Мындрештской церкви, стихарь очень ветхъ.

Должность псаломщика покойный, будучи человекомъ очень религіознымъ, проходилъ очень усердно, съ радостію и съ честью; какъ вы-

ше я упомянулъ, онъ очень хорошо пѣлъ по молдавски и очень любилъ молдавскія чтенія и пѣнія *). Умилительное пѣніе въ св. Великомъ Посту по молдавски «*во царствіи Твоемъ помяни насъ, Господи*» и на вечернѣ «*Богородице Дѣво радуйся*», съ славой Крестителю Іоанну, многихъ прихожанъ приводило въ слезы умиленія.

Служилъ покойный при одной и той же церкви села Мындрешть со времени назначенія въ псаломщики 21 годъ и нѣсколько мѣсяцевъ— до дня смерти.

9-го марта въ день 40 мучениковъ былъ выносъ тѣла въ церковь на литургію Преждеосвященныхъ Даровъ и на отпѣваніе, которое было совершено двумя священниками—мѣстнымъ и сосѣднимъ села Чулуканъ. Предъ началомъ отпѣванія мѣстнымъ священникомъ было сказано поученіе на молдавскомъ языкѣ, которое при семъ помѣщается въ переводѣ на русскій языкъ.

Миръ праху Твоему, исполнительный и ревностный къ церкви и приходу мой сослуживецъ, да упокоитъ тебя Господь въ селеніяхъ праведныхъ.

«Пою Богу моему, дондеже есмь».

Кто ожидалъ того, что видимъ мы предъ нашими глазами? Кто могъ не только сказать, но даже подумать «что мы сегодня будемъ погребать нашего псаломщика?»

Воистину на немъ свершились сія слова: «пою Богу моему, дондеже есмь», потому что онъ пѣлъ Господу Богу почти до самой минуты несчастнаго случая, бывшаго причиной его смерти. Читалъ и пѣлъ онъ до не давна, до прошлой субботы и по окончаніи Божественной литургіи и всѣхъ требъ въ церкви онъ поспѣшилъ домой, не зная, что наступитъ скоро смерть. Какъ будто не вѣрится, что онъ мертвъ.

Открыто свидѣтельствую, что покойный должность псаломщика несъ до дня смерти трезво, честно, съ большою радостью и любовью, не собирая себѣ сокровищъ на землѣ, но богатѣя въ Бога.

Сей св. храмъ, дома и стогны веси сей ты оглашалъ звуками своего голоса, чтеніемъ и пѣніемъ 21 годъ и нѣсколько мѣсяцевъ. Сильно трогательное и мелодичное твое пѣніе по-молдавски многихъ изъ

*) Народъ очень уважалъ его и почти всѣ прихожане цѣловали ему руку какъ и священнику.

прихожанъ приводило въ слезы умиленія. Твой сильный и пріятный голосъ, твое чтеніе и пѣніе по-молдавски прихожане сей церкви не скоро позабудутъ. Ты тѣломъ умеръ для твоихъ прихожанъ, имя же твое и память о тебѣ, какъ хорошемъ псаломщикѣ, не забудутся никогда. Изъ всѣхъ церковныхъ пѣснопѣній особенно ты любилъ пѣть по-славянски въ святомъ великомъ посту на литургіи Преждеосвященныхъ Даровъ, это: «нынѣ силы небесныя съ нами невидимо служатъ», каковое пѣснопѣніе ты всегда пѣлъ съ особымъ умиленіемъ, со слезами на глазахъ, и удостоилъ тебя Господь хоронить твое тѣло на литургіи Преждеосвященныхъ Даровъ, когда вмѣсто херувимской пѣсни поется: «Нынѣ силы небесныя съ нами невидимо служатъ», каковыя силы мы моли да избавятъ душу твою отъ всѣхъ мытарствъ и представятъ предъ лице Всевышняго Бога. Вся твоя жизнь была христіанская, ты былъ человѣкъ очень религіозный, жилъ ты въ страхъ Господнемъ и умеръ хотя и неестественною смертью, но смертью вполне христіанскою. Господь позвалъ тебя изъ этой земной жизни въ Свой небесныя обители въ то время, когда ты совсѣми примирился и сталъ жить очень дружно, по-братски *), въ то время, когда ты сильно ожидалъ только одного: видѣть радость своихъ дѣтей. «Вѣсть Господь путь праведныхъ, говоритъ псалмопѣвецъ Давидъ въ первомъ своемъ псалмѣ, и ты, покойный, сколько тысячъ разъ пѣлъ эти слова Давида?

Братіе! Вознесемъ горячія молитвы объ упокоеніи души его. Очъ все время своей службы и читалъ и пѣлъ неисчислимыя сотни тысячъ разъ за насъ «Господи помилуй», онъ всю свою жизнь провелъ въ псалмѣхъ и пѣніи пѣсней духовныхъ, а мы нынѣ, надгробныя творяще пѣсни, будемъ просить Милосерднаго Бога, да вчинитъ душу его, идѣже вси праведніи почиваютъ. Аминь.

*) Выноска какъ поясненіе сказаннаго: покойный имѣлъ недоразумѣніе съ священникомъ и служителями мѣстной церкви, и помирился совсѣми еще полъ—года тому назадъ.

Епархіальная хроника.

◆ *Въ археологическомъ обществѣ.* 18 марта въ квартирѣ о. ректора дух. семинаріи, архимандрита Зиновія, состоялось общее годовое собраніе членовъ церковнаго историко-археологическаго общества. Предсѣдательствовалъ Преосвященный Никодимъ. Присутствовало всего 14 человекъ, въ томъ числѣ одинъ новый членъ. Рассмотрѣнъ и утвержденъ отчетъ о дѣятельности общества за 1910 годъ, составленный правителемъ о-ва, преподавателемъ дух. мужского училища М. П. Похрони-Кіосели. Изъ отчета видно, что прошлый годъ отмѣченъ довольно значительными работами по церковной исторіи Бессарабіи. За прошлый годъ написана исторія о нѣкоторыхъ архіереяхъ мѣстной епархіи, начиная съ митрополита Гавріила Банулеско Бодони, о ректорахъ и инспекторахъ духовной семинаріи, съ 1813 года и др. духовныхъ дѣятеляхъ. Затѣмъ изданъ пятый выпускъ трудовъ о-ва. О-во стремилось къ приобрѣтенію новыхъ членовъ, что увѣнчалось значительнымъ успѣхомъ.

Послѣ утвержденія отчета, нѣсколько членовъ о-ва прочитали свои монографіи по исторіи края. О-во въ настоящее время усиленно готовится къ 100-лѣтнему юбилею присоединенія Бессарабіи къ Россіи.

Собраніе постановило выдать правителю дѣлъ за составленіе годового отчета 25 руб.

◆ 24-го марта, наканунѣ праздника Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, Великое повечеріе и утреню въ кафедральномъ соборѣ совершилъ соборный ключарь о. Василій Гума, въ сослуженіи протодіакона о. Ильи Чакира. На утрени, во время пѣнія «Архангельскій гласъ вопіемъ ти», Преосвященный Серафимъ совершилъ кажденіе св. иконъ. На богослуженіи присутствовалъ Преосвященный Никодимъ и вмѣстѣ съ Преосвященнымъ Серафимомъ, во время пѣнія ирмосовъ, совершалъ помазаніе св. миромъ присутствующихъ молящихся. Богослуженіе совершалось при пѣніи архіерейскаго хора.

◆ Въ пятницу, 25-го марта, въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, божественную литургію св. Іоанна Златоуста въ кафедральномъ соборѣ совершилъ Преосвященный Серафимъ, въ сослуженіи Преосвященнаго Никодима и всего соборнаго ду-

ховенства. Послѣ запричастнаго стиха инспекторъ классовъ Епархіального женскаго училища о. Г. Юрикасъ произнесъ слово: «О Благовѣщеніи Пресвятой дѣвѣ Маріи». На литургіи пѣлъ архіерейскій хоръ подѣ управленіемъ регента-священника о. Михаила Березовскаго.

◆ Въ тотъ-же день акаѳистъ Божіей Матери на утрени въ кафедральномъ соборѣ читалъ Преосвященный Никодимъ при пѣніи архіерейскаго хора.

◆ 26-го марта, на литургіи, въ кафедральномъ соборѣ соборный ключарь о. Василій Гума произнесъ поученіе на тему: «Придемъ всѣ мы въ святости ко Господу Христу, вошедшему въ самое небо, чтобы предстать нынѣ за насъ предъ лице Божіе!» (Евр. 9, 24).

◆ Въ субботу, 26-го марта, всенощное бдѣніе въ крестовой архіерейскаго дома церкви совершилъ іеромонахъ о. Досиѳей въ сослуженіи іеродіакона о. Симона. Богослуженіе совершалось при пѣніи архіерейскаго хора.

◆ Въ воскресеніе, 27-го марта божественную литургію въ крестовой архіерейскаго дома церкви совершилъ Преосвященный Серафимъ епископъ Кишиневскій и Хотинскій въ сослуженіи монашествующихъ крестовой церкви. За литургіей былъ рукоположенъ въ санъ священника выдержавшій экзаменъ на священника Димитрій Николаевъ, назначенный на священническое мѣсто въ с. Клишковцы, Хст. уѣзда. На литургіи пѣлъ хоръ учениковъ псаломщическаго класса подѣ управленіемъ учителя пѣнія В. В. Говорова.

◆ Въ тотъ-же день акаѳистъ Гербовецкой иконѣ Божьей Матери въ крестовой церкви читалъ Преосвященный Никодимъ, епископъ Аккерманскій, при пѣніи архіерейскаго хора подѣ управленіемъ помощника регента М. К. Бырки.

◆ Въ воскресеніе, 27-го марта, божественную литургію въ кафедральномъ соборѣ совершилъ Преосвященный Никодимъ, епископъ Аккерманскій, въ сослуженіи соборнаго духовенства. За литургіей были рукоположены: въ санъ священника іеродіаконъ Гербовецкаго монастыря о. Серапіонъ и въ санъ іеродіакона монахъ того-же монастыря о. Валентинъ. Послѣ запричастнаго стиха епархіальный миссіонеръ Н. Н. Балабуха произнесъ слово: «О значеніи поста въ дѣлѣ спасенія человѣчества; постъ духов-

ный и тѣлесный и неразрывная между ними связь. Постъ, какъ подготовленіе къ свѣтлому Христову Воскресенію». Затѣмъ проповѣдникъ, обративъ вниманіе на то, что въ храмѣ мало богомольцевъ, по случаю ненастной погоды, провелъ параллель, что люди боятся грязи тѣлесной, а не боятся грязи духовной и въ этомъ заключается весь ужасъ забвенія важности поста и свѣтлаго значенія воскресенія Христова. На литургіи пѣлъ архіерейскій хоръ.

◆ Въ тотъ-же день въ кафедральномъ соборѣ на ранней литургіи соборный ключарь о. Висилій Гума произнесъ поученіе на тему: «И намъ Господомъ Христомъ прощаются грѣхи наши многіе, если мы, подобно грѣшницѣ, евангельской, много возлюбимъ». (Лук. 7, 47).

◆ Въ воскресеніе, 27-го марта, въ залѣ городской думы состоялась духовная бесѣда по слѣдующей программѣ: 1) «Побѣдная сила христіанства», чтеніе ректора духовн. семинаріи архимандрита Зиновія. 2) «Свободные христіане—баптисты и пашковцы» (евангелики),—бесѣда епархіальнаго миссіонера-проповѣдника священника Θεодосія Кирика. 3) «Капитанъ Боппъ», прочелъ А. П. Павловъ. Во время антрактовъ архіерейскій хоръ подъ управленіемъ священника-регента о. Михаила Березовскаго исполнилъ слѣдующія духовныя пѣснопѣнія: «Взбранной воеводѣ», муз. свящ. Мих. Березовскаго, «Моя молитва», муз. Л. М. Чичагова; молитва «Отецъ людей, Отецъ небесный» муз. К. Ф. Хршановской; и дуэтъ, муз. Преосвященнаго Серафима, «Ты Богъ мой». На бесѣдѣ присутствовали Преосвященные Серафимъ и Никодимъ, инспекторъ дух. семинаріи П. И. Чижовъ, преподаватель дух. семинаріи В. Г. Курдиновскій, нѣкоторые изъ духовенства гор. Кишинева и масса публики. Бесѣда закончилась къ 10-ти часамъ.

◆ *Бесѣды миссіонера Кирики.* Епарх. мис. священникъ Кирика въ мартѣ мѣсяцѣ посѣтилъ Аккерманскій уѣздъ, гдѣ имѣлъ по округамъ благочинническимъ пастырскія собранія въ слѣдующіе дни: 7 и 8 въ г. Аккерманѣ, 14 и 15 въ с. Введенскомъ и 21 и 22 въ с. Молдовкѣ. Всюду духовенство проявляетъ громаднѣйшій интересъ къ методическимъ лекціямъ по сектовѣдѣнію о. миссіонера и шлетъ глубокую благодарность архипасты-

рю Преосвященнѣйшему Серафиму, какъ иниціатору этого на-
сущнѣйшаго дѣла для мѣстнаго духовенства.

Въ г. Аккерманѣ и посадахъ Папушой и Шабо о. миссіонеръ основательно ознакомился съ положеніемъ и состояніемъ хлыстовства и далъ бесѣды противохлыстовскаго характера, которыя по своимъ послѣдствіямъ были не безрезультатны для православнаго населенія и сектантовъ. Въ г. Аккерманѣ 6, 13 и 20 марта произнесены съ церковной кафедры о. миссіонеромъ рядовыя евангельскія чтенія поученія. Такое же поученіе сказано 15 марта и въ с. Введенскомъ.

◆ 26 марта о. миссіонеръ въ митрополіи, на всенощномъ бдѣніи, произнесъ поученіе о поклоненіи Богу въ духѣ и истинѣ.

◆ 27 марта въ залѣ семинаріи о. миссіонеръ далъ предъ воспитанниками публичную бесѣду сектантамъ баптистамъ и молоканамъ о Церкви Христовой по составу. Стройнологическая бесѣда и текстуально обоснованная отняла у сектантовъ по существу всякія возраженія. Баптисты и молокане поэтому были предъ о. миссіонеромъ безотвѣтны и ограничились мелочными возраженіями. Затѣмъ подъ предлогомъ наступленія времени молитвеннаго собранія съ позоромъ ретировались домой. Семинаристы искренно благодарили о. миссіонера за понесенный трудъ и методику собесѣдованія съ сектантами. Собесѣдованіе продолжалось съ 2 съ ½ пополудни до 10 минутъ 7-го час. вечера.

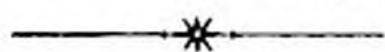
Редакторъ неофіціального отдѣла, статскій совѣтникъ,
преподаватель духовной семинаріи Василій Курдиновскій.

Печатать дозволяется. Кишиневъ. 3 апрѣля 1911 года.

Цензоръ д. с. с. Андрей Пархомовичъ.

О Т Ч Е Т Ъ

о дѣятельности Кишиневскаго Отдѣла Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, за время съ 1 марта 1910 г. по 1 марта 1911 года.

1 марта сего 1911 года окончился XIV-й, отчетный, годъ существованія Кишиневскаго Отдѣла Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, открытаго и начавшаго свою дѣятельность 2 января 1897 года.

А., Личный составъ должностныхъ лицъ Отдѣла и происшедшія въ теченіе отчетнаго года перемѣны въ составѣ членовъ Отдѣла.

Личный составъ должностныхъ лицъ Отдѣла въ отчетномъ году тотъ-же, что и въ прошломъ 1909—1910 году. Подъ предсѣдательствомъ Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Серафима, Епископа Кишиневскаго и Хотинскаго, при Товарищѣ Предсѣдателя, Его Сіятельству Графѣ Иванѣ Викторовичѣ Канкринѣ, Начальникѣ Бессарабской губерніи,—состояли: казначеи (5-е трехлѣтіе)—д. с. с. А. М. Пархомовичъ, кандидатомъ къ нему (2-е трехлѣтіе)—священникъ Е. В. Козакевичъ, а исполняющимъ обязанности дѣлопроизводителя Отдѣла—протодіаконъ каѳ. собора Ілія Чакиръ. Членами ревизіонной Комиссіи состояли: каѳ. прот. Николай В. Василевскій, прот. Н. В. Лашковъ и д. с. с. І. М. Пархомовичъ, а по высылкѣ пожертвованій изъ кружекъ—архим. Олимпій, благ. град. церкви, свящ. Григорій Главатинскій и протод. И. Чакиръ. На мѣсто выбывшаго изъ состава членовъ Отдѣла, по собственному желанію, прот. К. Г. Поповича, членомъ Совѣщательнаго Совѣта состоялъ избранный Отдѣломъ ректоръ мѣстной семинаріи архим. Зиновій.

Въ составѣ членовъ Отдѣла произошли слѣдующія перемѣны: 1., въ Бозѣ почилъ почетные члены И. П. Палестинскаго Общества

высокопреосвященные архієпископы *Неофитъ*, бывшій Кишиневскій и Хотинскій (9 марта 1910 г.; въ г. Измаилъ; см. «Общее, годовое, собраніе членовъ Отдѣла», бывшее 11 апр. 1910 г., № 19 «Киш. Еп. Вѣд.» за 1910 г.), и *Аванасій*, бывшій Довской и Новочеркасскій (5 сент. 1910 г.), и членъ-сотрудникъ (съ ежегод. взнос. 10 р.), прот. ц. с. Пепень, Сорок. уѣзда, *Александръ Агапѣевъ*; 2., *вышелъ изъ района дѣйствій Отдѣла* членъ-сотрудникъ (съ ежегод. взносомъ 10 р.) *М. Д. Мордвиновъ*, камергеръ, д. с. с., бывшій Бес. Вицегубернаторъ; 3., *вышелъ изъ состава членовъ Отдѣла, по собственному желанію*, членъ-сотрудникъ (съ ежегод. взн. 10 р.), протоіерей *К. Г. Поповичъ*; и 4., *исключенъ изъ списка членовъ* тоже членъ-сотрудникъ (съ ежегод. взн. 10 р.), свящ. ц. с. Индерепничъ, Оргѣв. уѣзда, *Ив. В. Вдовичанъ*, на основ. § § 23 и 25 уст. Общества.

Списокъ членовъ, состоящихъ въ Отдѣлѣ къ 1 марта 1911 года, въ концѣ отчета прилагается особо. По нему значится: 1 почетный, 2 дѣйствительныхъ-пожизненныхъ, 5 сотрудниковъ-пожизненныхъ, 1 дѣйствительный съ ежегоднымъ взносомъ и 24 члена-сотрудника съ ежегоднымъ взносомъ. Всѣхъ членовъ Отдѣла 33 (6-ю членами меньше противъ 1909—1910 г.).

Б., Засѣданія и общія собранія Отдѣла.

Отдѣлъ, кромѣ провѣрки приходо-расходной книги своей, произведенной должностными лицами 10 іюня и 28 сентября 1910 года и 28 февраля 1911 года, имѣлъ 1 засѣданіе, 8 марта, и 1 общее, годовое, собраніе, 11 апрѣля 1910 года. Въ засѣданіи былъ рассмотрѣнъ и утвержденъ составленный, по порученію Отдѣла, казначеемъ онаго отчетъ о дѣятельности Отдѣла за 1909—1910 годъ. Въ этомъ же засѣданіи назначенъ былъ и день для общаго, годоваго, собранія, 11 апрѣля 1910 года—Вербное воскресеніе.—Кромѣ того, на основаніи сдѣланнаго въ засѣданіи казначеемъ Отдѣла заявленія, третьєю статьею этого журнала постановлено: «Просить благочиннаго Кишиневскихъ градскихъ церквей наблюсти, чтобы кружки Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества были выставляемы въ Кишиневскихъ градскихъ церквахъ, въ которыхъ онѣ находятся, на мѣстахъ видныхъ; сверхъ того, съ разрѣшенія Преосвященнѣйшаго Серафима, Епископа Кишиневскаго и Хо-

тинскаго «через напечатаніе въ «Киш. Еп. Вѣд.», напомнить настоятелямъ церквей и монастырей Кишиневской епархіи распоряженіе о порядкѣ производства вербнаго сбора, подтвержденное черезъ мѣстную Консисторію Преосвященнѣйшимъ Серафимомъ» (см. жур. засѣд. № 41, 8 мар. 1910 г.). Постановленіе это исполнено: первая его часть черезъ благочиннаго, а вторая—черезъ помѣщеніе въ оф. отдѣлѣ № 12 «Киш. Еп. Вѣд.» особаго обращенія къ духовенству епархіи.

Въ общемъ, годичномъ, собраніи, состоявшемся 11 апрѣля 1910 года, въ покояхъ Преосвященнѣйшаго Серафима, и подъ предсѣдательствомъ Его же Преосвященства, въ 2 часа по полудни, послѣ пѣнія «Днесъ благодать Св. Духа»... и «Ис полла эти, деспота» и по открытіи засѣданія, прежде всего былъ почтенъ присутствовавшими пѣснію «Вѣчная память» въ Бозѣ почившій (9 мар. 1910 г.) архіепископъ Неофитъ, бывшій Кишиневскій и Хотинскій, основатель Кишиневского Отдѣла и первый его предсѣдатель. Этой пѣсни было предпослано, съ благословенія Преосвященнѣйшаго Предсѣдателя Отдѣла и общаго Собранія, словесное заявленіе казначея Отдѣла, въ которомъ охарактеризована усерднѣйшая дѣятельность въ Бозѣ почившаго по открытію Отдѣла и послѣ открытія его. Затѣмъ прочитаны были казначеемъ: отчетъ о дѣятельности Отдѣла за 1909-10 г., «Вѣдомость» о приходѣ и расходѣ денегъ, поступившихъ въ томъ году, и «Докладъ» Ревизіонной Комиссіи. Докладъ, въ которомъ засвидѣтельствовано, что отчетъ во всемъ согласенъ съ приходо-расходной книгою Отдѣла и документами и что веденіе дѣла казначеемъ Отдѣла найдено Комиссіею въ надлежащемъ порядкѣ и исправности, принять къ свѣдѣнію, а отчетъ и вѣдомость собраніемъ утверждены. Послѣ этого произведены были выборы въ члены ревизіонной Комиссіи на 1910—11 г., въ каковыя избраны лица прежнія: протоіереи—*Н. В. Василевскій, Н. В. Лашковъ* и ст. сов. (нынѣ дѣйствительный ст. сов.) *І. М. Пархомовичъ*, а на мѣсто выбывшаго изъ состава членовъ Отдѣла, по собственному желанію, прот. *К. Г. Поповича*, избранъ Собраніемъ въ члены Совѣщательнаго Совѣта ректоръ мѣстной семинаріи, архим. *Зиновій*. За сямъ объявлена была резолюція Преосвященнѣйшаго Предсѣдателя Отдѣла, послѣдовавшая на докладъ казначея Отдѣла о выдающемся усердіи члена-сотрудника Отдѣла, священника церкви села Пандакли, Аккер. уѣзда, *Василія Балжа-*

ларскаго, о заготовленіи послѣднему грамоты съ благословеніемъ Его Преосвященства и благодареніемъ за сотрудничество. Послѣ этого, согласно предложенія Преосвященнѣйшаго Предсѣдателя Отдѣла, Собраніемъ постановлено было благодарить всѣхъ лицъ, съ усердіемъ потрудившихся на пользу И. П. П. Общества, въ особенности исправныхъ плательщиковъ членскихъ взносовъ, а въ частности объявить благодарность Общаго Собранія Отдѣла казначею д. с. с. Андрею Пархомовичу за его усердные труды по Отдѣлу, и г. г. редактору и издателю газеты «Другъ» — В. А. и В. В. Якубовичамъ, за безмездное напечатаніе въ газетѣ различныхъ свѣдѣній, касающихся И. П. П. Общества и его Кишиневскаго Отдѣла, а священника Ивана Вдовичака исключить изъ числа членовъ Отдѣла, на основаніи §§ 23 и 25 уст. Общества, донесши о семъ предварительно Совѣту Общества для утвержденія этого постановленія Собранія. Постановлено также Собраніемъ занести въ журналъ засѣданія, для свѣдѣнія Совѣта Общества, словесное заявленіе казначея Отдѣла о томъ, что и въ отчетномъ 1909-10, году была совершена въ кафедральномъ соборѣ панихида объ упокоеніи души Великаго Князя Сергія Александровича, на основаніи постановленія общаго Собранія Отдѣла, бывшаго 24 апр. 1905 года.

Журналы: засѣданія (8 марта 1910 г., № 41) и годичнаго собранія (11 апр. того же года, № 42) своевременно были представлены въ Совѣтъ Общества и Совѣтомъ утверждены. Кромѣ того, объ общемъ, годичномъ, собраніи, напечатана въ № 19 «Киш. Еп. Вѣд.» за 1910-й годъ особая замѣтка, съ которой сдѣлано нѣсколько десятковъ отдѣльныхъ оттисковъ. Определенное количество послѣднихъ представлено въ Совѣтъ Общества, а часть изъ нихъ честь имѣю представить вниманію почтеннѣйшаго собранія. Въ концѣ этой брошюры передано въ краткихъ словахъ обращеніе Преосвященнѣйшаго Серафима къ бывшимъ въ Собраніи, — обращеніе, въ которомъ Его Преосвященство высказалъ свой взглядъ на важное значеніе вербнаго сбора и пожелалъ, чтобы настоятели церквей, въ свою очередь, разъяснили своимъ прихожанамъ важное значеніе и назначеніе этого сбора. Въ ней же далѣе помѣщена телеграмма Преосвященнѣйшаго Серафима, посланная, по просьбѣ Собранія, согласной съ собственнымъ желаніемъ Его Преосвященства, на имя Ея Императорскаго Высочества, Великой Княгини Елисаветы Феодоровны, по

случаю посвященія Ея Высочества, по особому церковному чину, въ настоятельницы Марео-Маринской (въ Москвѣ) обители сестеръ милосердія, давшихъ обѣтъ Богу служить на благо ближнимъ,—и отвѣтная Кля Императорскаго Высочества на имя Его Преосвященства.

Журналъ Общаго Собранія, какъ и брошюра, оканчивается свѣдѣніемъ, что засѣданіе Собранія закончилось пѣснію «Достойно есть»... и «Ис полла эти, деспота», и что Преосвященнѣйшій Серафимъ, благословляя бывшихъ въ собраніи, повторялъ въ то же время высказанное Его Преосвященствомъ предъ симъ въ обращеніи съ собраніемъ, чтобы *настоятели* церкви Кишиневской епархіи *разъяснили* своимъ *прихожанамъ* важное значеніе «вербнаго сбора» и чтобы *благочинные*, въ свою очередь, выполнили то, что *касается* ихъ въ этомъ дѣлѣ.

По дѣлопроизводству: въ отчетномъ году въ Совѣтъ Общества препровождено 4 выписки изъ приходо-расходной книги и выдано на поступившія въ Отдѣлъ деньги 89 квитанцій, съ № 45553 по 45641, включительно. По мѣрѣ заполнения квитанціонныхъ книжекъ, корешки выданныхъ квитанцій своевременно отсылались въ канцелярію Общества. Приходныхъ статей по книгѣ было 89, а расходныхъ 31; входящихъ бумагъ 54, а исходящихъ 178 № №.

В., Мѣры, принятыя Отдѣломъ къ устройству чтеній о Св. Землѣ и Обществѣ, съ указаніемъ мѣстъ, гдѣ таковыя происходили, количества произведенныхъ чтеній и къ мѣстамъ таковыя производились и числа постытителей.

При помощи учрежденной съ 1909-10 г. комиссіи, Отдѣломъ, въ отчетномъ году, выдано и разослано по Кишиневу брошюръ, листовъ и картинъ 32 связки и въ районы внѣ Кишинева 60 связокъ. Комиссія, согласно предложенія Преосвященнѣйшаго Серафима (см. отчетъ за 1909-10 г. стр. 8), выдала нѣсколько связокъ Палестинскихъ листовъ и картинъ и священникамъ церкви такихъ селъ съ молдавскимъ населеніемъ, которые, говоря порусски, достаточно владѣютъ языкомъ молдавскимъ, и просила таковыхъ передавать прихожанамъ содержаніе листовъ и объясненіе картинъ по-молдавски. Кромѣ того, составленная мною новая статья «Назаретъ и страна Галилейская», и въ подлинникѣ, въ

«Киш. Еп. Вѣд.», и въ переводѣ, въ жур. «Луминаторюл», напечатана своевременно, съ такимъ расчетомъ, чтобы лекторы получили ее заблаговременно и прочитали слушателямъ на канунѣ или въ самый праздникъ «Благовѣщенія». Наконецъ, Комиссія, въ цѣляхъ напоминанія о. о. и г. г. лекторамъ объ изъявленной ими готовности вести чтенія въ 1910-11 г. дважды печатно обращались къ нимъ, въ особомъ объявленіи, предъ началомъ и въ концѣ отчетнаго года («Киш. Еп. Вѣд.» № 4 за 1910 г. и № 3 за 1911 г.), съ надлежащею просьбой, упомянувъ и о присылкѣ въ Отдѣлъ денежныхъ пожертвованій, если таковыя будутъ получены на чтеніяхъ. Таковы мѣры, которыя практиковались Отдѣломъ въ отчетномъ году къ устройству чтенія о Св. Землѣ и И. П. Палестинскомъ Обществѣ.

Въ нижеслѣдующей таблицѣ указывается мѣсто, гдѣ велись въ отчетномъ году чтенія, количество ихъ, устроители и количество слушателей.

№ пункт. по порядку.	Мѣста гдѣ велись чтенія.	УСТРОИТЕЛИ ЧТЕНІЙ.	Чтенія произво- дился.			Общее число слуша- телей на чтеніяхъ у каждаго чтеца за годъ.
			Въ церквахъ.	Въ учебныхъ заведеніяхъ.	Въ другихъ помѣщеніяхъ	
Г. Иишинъ.						
1	Град. Вознесенскій соборъ.	Прот. Спир. Мураневичъ . . Свящ. Іоаннъ Биволь	1 —	3 —	— 1	1000 300
2	Георгіевская цер- ковь.	Свящ. Теофанъ Дубневичъ .	1	1	—	500
3	Благовѣщенская церковь.	Свящ. Конст. Паренъевъ (до перев.)	(*)	—	—	—
4	Ильинская цер- ковь.	Прот. Георгій Дынга (до см.) . Свящ. Іоаннъ Щука	4 3	— 7	— —	200 2000
5	Николаевская цер- ковь.	Прот. Софроній Челанъ . .	2	—	4	1300
6	Кладбищенская церковь.	Прот. Кирилль Гинкуловъ . Прот. Іоаннъ Савва Свящ. Евгенийъ Козакевичъ .	2 2 2	— 1 —	— — —	600 600 140

*) Свѣдѣнія о чтеніяхъ не получены.

7	Троицкая церк.	Свящ. Алекс. Брагуца . . .	—	2	—	300
8	Харалампіевская церковь.	Свящ. Василій Гобжила . . Свящ. Феодоръ Бивольъ . .	1 2	— —	— —	40 80
9	Церк. 1 м. гим.	Прот. Николай Лашковъ . .	1	1	—	200
10	Церк. 2 м. гим.	Свящ. Гавріиль Златовъ . .	—	2	—	550
11	Конст. Елен. церк на Рышкановкѣ.	Свящ. Георгій Абаджеръ . .	2	2	—	852
12	Церк. въ предм. Киш. въ с. Боюканахъ:	Свящ. Митроф. Игнатіевъ.	4	—	—	200
13	Духовная Семинарія.	Ст. сов. Н. Н. Колоколовъ . « « В. Г. Курдиновскій .	— —	2 1	— —	90 40
14	Духовн. мужск. училище.	Ст. сов. П. А. Сладкопѣвцевъ. « » М. В. Смирновъ . . Прот. Михайль Чакиръ . . .	— — 2	2 2 4	— — 3	80 80 1854
15	Реальн. училище.	Прот. Ник. Ранинскій . . .	—	4	—	200
16	2 женск. гимн.	Прот. Сильвестръ Кульчицкій	—	5	—	206
17	Пушк. аудиторія.	Д. с. с. А. М. Пархомовичъ .	—	—	1	600
18	Библ. Христ.-Рож. Братства.	Д. с. с. А. М. Пархомовичъ .	—	—	2	70
19	Разл. мѣста епарх.	Свящ. Феодосій Воловей (мис.)	25	30	—	1200
Кишиневскій уѣздъ.						
20	С. Пугой.	Свящ. Мих. Фриптуль . . .	9	—	—	3000
Бендерскій уѣздъ.						
21	М-ко Чимишлія.	Свящ. Петръ Хохоръ . . .	7	—	—	840
22	С. Градешты.	Свящ. Павелъ Бобейко . . .	3	—	—	350
Бѣлецкій уѣздъ.						
23	С. Братушаны.	Прот. Елисей Георгіановъ .	3	—	—	175
24	С. Глодяны.	Свящ. Георгій Георгіановъ .	3	—	—	500

Анкерманскій уѣздъ.						
25	С. Пандаклія.	Свящ. Василій Балжаларскій.	36	6	—	6000
26	С. Тудорово.	Свящ. Аѳанасій Щука . . .	14	—	—	1800
27	С. Исерлія.	Прот. Димитрій Чакиръ . .	6	—	—	420
28	С. Камчикъ.	Свящ. Ксенофонтъ Епури . .	—	3	—	220
29	С. Ташлыкъ.	Свящ. Іоаннъ Пославскій . .	12	—	—	2500
Оргѣвскій уѣздъ.						
30	С. Резина.	Свящ. Георгій Пламадяла . .	7	—	—	1500
31	С. Морозены.	Свящ. Петръ Табанъ	2	1	—	300
32	С. Булаешты.	Свящ. Конст. Модвалъ . . .	10	—	—	2500
33	С. Каларашъ.	Прот. Александръ Балтага .	4	—	—	520
Измаильскій уѣздъ.						
34	Г. Измаилъ.	Прот. Конст. Михуль	—	4	—	650
35	Пос. Тропокло.	Свящ. Іоаннъ Галушко	5	3	—	2100
36	С. Новопокровка.	Свящ. Захарія Мануильскій .	5	—	—	350
37	Духовное мужское училище.	Ил. Ал. Семейкинъ, смѣтр. уч. Ал. Ив. Филатовъ, помощ. смотр. В. П. Казанаклій, препод. уч. Н. А. Красковскій, преп. уч. И. Е. Янушевскій, преп. уч. . А. Ю. Биволь, препод. уч. .	— — — — — —	1 1 1 1 1	— — — — —	{ 750
Хотинскій уѣздъ.						
38	Единецкое духовн мужск. училище.	И. К. Яцковскій, смѣтр. уч. . Іеромонахъ Θεодоритъ, пом. смотрителя П. А. Понамаревъ Свящ. уч. ц. Θ. Бушила . .	— — — — —	3 3 1 1	— — — —	720 720 250 250
39	С. Рестео-Атаки.	Свящ. Михаилъ Полянскій .	31	—	—	1830
40	С. Бѣлоуцы.	Свящ. Антоній Полтарацкій .	17	—	—	3400

41	С. Бѣлоусовка.	Свящ. Петръ Полянскій . .	6	—	—	683
42	С. Молодово.	Свящ. Іоаннъ Маданъ . . .	7	—	—	910
	42	56	241	100	11	46520
			352			
	46	59	254	59	22	45824
			335			

Чтенія производились и въ отчетномъ году по прежнему порядку; посѣщались усердно и выслушивались съ большимъ интересомъ. На чтеніяхъ раздавались листки и картины Палестинскаго Общества (количество розданныхъ указывается ниже) и, по мѣстамъ, собирались пожертвованія (о количествахъ таковыхъ упомянуто въ приложеніяхъ подъ цифрою 3).

Г., Мѣры, принятыя Отдѣломъ для распространенія изданій Общества.

Мѣрою для этого служила обычная разсылка получаемыхъ изъ Канцеляріи Общества брошюръ, листовъ и картинъ въ мѣста епархіи, гдѣ велись чтенія, раздача ихъ народу на чтеніяхъ, каковыхъ, кромѣ брошюръ для чтеній, высылаемыхъ, обыкновенно, для лекторовъ, разослано и роздано, въ отчетномъ году, около 30000 экземпляровъ, и затѣмъ печатаніе объявленій объ изданіяхъ Общества въ «Киш. Еп. Вѣд.» и въ мѣстной газетѣ «Другъ». Объявленіе о подпискѣ на «Сообщенія И. П. П. Общества» на 1910 годъ въ «Еп. Вѣд.», напечатано 9 разъ и на 1911 годъ пока 2 раза (въ дек. 1910 г. № 52 и въ янв. 1911 г. № 3). О новой книгѣ «Путеводитель по св. мѣстамъ Востока» напечатано въ 1910 г. 4 раза (въ мартѣ, апр., іюль и авг.). «Другъ», напечатавъ объявленіе «О путеводителѣ» въ 1910 г. 10 разъ (послед. въ № 44, 24 февр.), въ дальнѣйшее время не повторялъ уже этого объявленія.

Д., Мѣры, принятыя Отдѣломъ къ подготовленію мѣстнаго населенія къ вербному сбору.

Кромѣ своевременной разсылки мѣстной Консистоіей въ подлежащія мѣста епархіи присланныхъ въ оную изъ Канцеляріи Совѣта Общества воззваній и бесѣдъ, подготовленіемъ мѣстнаго населенія къ вербному сбору служили: своевременное напечатаніе мѣстной Консистоіей, согласно распоряженія Преосвященнѣйшаго Епископа Серафима, въ мѣстныхъ «Епарх. Вѣд.» соотвѣтственнаго предложенія причтамъ всѣхъ церквей епархіи относительно производства вербнаго сбора (№ 12, 21 марта 1910 г., стр. 74—75), таковое же напечатаніе выбранныхъ для прочтенія въ церквахъ, на всенощномъ бдѣніи и литургіи, поученій, а равно и правилъ, по которымъ производится «вербный сборъ» и особаго обращенія Отдѣла къ настоятелямъ церквей и монастырей съ напоминовеніемъ имъ, по соизволенію Преосвященнѣйшаго Епископа Серафима, о подтвержденномъ Его Преосвященствомъ черезъ Консистоію распоряженіи относительно самаго порядка производства этого сбора (тамъ же, стр. 77—80 и 76), и, наконецъ, своевременное напечатаніе Отдѣломъ же въ газетѣ «Другъ» объявленія объ имѣющемъ быть сборѣ (№ 67, 23 марта; № 80, 8 апр.; и № 82, 10 апр. 1910 г.).

Е., О сборѣ пожертвованій по сборнымъ листамъ.

Послѣ сбора пожертвованій по листамъ въ 1909—10 г. такіе листы въ отчетномъ году не разсылались.

Ж., О кружечномъ сборѣ.

Этотъ сборъ былъ продолжаемъ Отдѣломъ и въ отчетномъ году. О немъ будетъ упомянуто въ приложеніяхъ, подъ цифрою 5.—

З., Замѣтки, касающіяся Общества и Отдѣла въ мѣстныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Кромѣ упомянутаго въ предыдущихъ главахъ и кромѣ отчета за 1909—10 г. (напечатаннаго за плату въ № 13 «Киш. Еп. Вѣд.» за 1910 г.), въ «Киш. Еп. Вѣд.» помѣщены слѣд. статьи: «Общее, годовое, собраніе членовъ Киш. Отд. И. П. П. Общества», бывшее 11 апр. 1910 г.—А. П—ча (№ 19); «Назаретъ и страна Галилейская»—А. П—ча (№ 10); «Библиографическая замѣтка: о «Путеводителѣ по св. мѣстамъ Востока» и «Русскіе паломники св. земли»—А. П. (№ 15). Въ молдавскомъ журналѣ «Луминаторюль» помѣщенъ переводъ на молдав. яз. статьи «Назаретъ»... Въ газетѣ

«Другъ» — «объ имѣвшемъ быть годичномъ собраніи Отдѣла» (№ 83); «Общее, годичное, собраніе Отдѣла 11 апр. 1910 г.» (№ 84.); «Панихида по Великому Князѣ Сергіи Александровичѣ, имѣвшая быть (и бывшая) 4 февраля 1911 г. (приглашеніе, 2 февр. № 26). Свѣдѣніе о ней, какъ о бывшей, помѣщено въ «Киш. Еп. Вѣд.» (№ 7 за 1911 г., Епарх. хрон.).

Приложенія къ отчету.

а., Вѣдомость о приходѣ и расходѣ денежныхъ суммъ по Кишиневскому Отдѣлу, съ 1 марта 1910 г. по 1-е марта 1911 года.

А. ПРИХОДЪ.

1., Членскіе взносы.

Отъ Балжаларскаго В. Н., свящ.—10 руб; Богоявленскаго А. А.—10 руб; Василевскаго Н. В., прот.—10 р.; Галушко І. І., свящ.—10 р., Георгіянова Е. С., прот.—10 р.; Гинкулова К. И., прот.—10 р.; Главана С. А., свящ.—10 р.; Глѣбскаго П. Ѳ., ст. сов.—10 р.; Деми Ек. Петр.—10 р., Зиновія, архим., рект. сем.—10.; Іоакима, архим.,—10 р.; Іову Ѳ. И.—»—; Канкрина И. В., графа,—25 р.; Кирлига В. Г., прот—10 р.; Кіятскаго М. Я.,—10 р.; Лашкова Н. В., прот.—10 р.; Мордвинова М. Д., Бес. вицегуб.—»—; Никодима, еп. аккорм.—10 р.; Пархомовича І. М., д. с. с.—10 р.; Пароеньева К. Д., свящ.—10 р.; Саввы І. Ѳ., прот.—10 р.; Сербовой А. А.—10 р.; Степанова А. И., долгъ за 190⁶/₇ г.—10 р.; за истек. 1910—1911 годъ—(*)—; Фриптула М. М., свящ.—10 р.; Чакира Д. Г., прот.—10 р.; и Чакира М. М., прот.—10 р.

Всего: . . 255 руб.

Примѣчаніе. Членскіе взносы не представлены отъ слѣдующихъ лицъ: *Іову* Теодора Ивановича за 19¹⁰/₁₁ г., *Мордвинова* М. Д., бывшаго Бес. вицегубернатора за тотъ же годъ, и *Степанова* А. И. за 19¹⁰/₁₁ г. и 190⁹/₁₀ г., (въ отчетномъ году онъ внесъ 10 р. за 190⁶/₇ г.) (*). Что же касается протоіеря І. Ѳ. *Саввы*, то за отчетный годъ онъ представилъ свой членскій (10 р.) взносъ, а прежняго долга, показаннаго въ отчетѣ за 190⁹/₁₀ г., онъ внести не можетъ, по указанной тамъ же (см. отчетъ за 190⁹/₁₀ г.) причинѣ.

*) 5 марта 1911 г., по подведеніи въ книгѣ итоговъ, Степановъ А. И. представилъ членскій свой взносъ (10 р.) и за 1910—11 годъ; но этотъ взносъ записанъ уже въ 1911—12 г., подъ № 5, квит. № 45646; слѣдовательно за нимъ считается долгъ только за 1909—10 годъ (10 р.),

2., Пожертвованія частныя.

Отъ Преосвященнѣйшаго Серафима, Епископа Кишиневскаго и Хотинскаго—25 р.; отъ Ивана Чегоряна, чрезъ свящ. Владимира Вартичана—5 р.; отъ архим. Олимпія—3 р.; отъ іером. Досифея, іером. Михаила и отъ свящ. Е. В. Козакевича тоже по 3 руб., а также отъ благоч. свящ. Виссаріона Ливинскаго—3 р.; и отъ ст. сов. И. А. Семейкина—1 р;

Всего: . . 46 руб.

3., Пожертвованія, собранныя на чтеніяхъ о Св. Землю.

За 1909—1910 годъ: отъ свящ. Е. В. Козакевича—72 к., свящ. Іоанна Шуки—1 р. 20 к.

За отчетный 1910—1911 годъ: отъ свящ. ц. с. Молодово, Хот. уѣзда, Іоанна Мадана—8 р. 90 к., отъ свящ. ц. с. Булаешть, Оргѣев. уѣзда, Константина Модвала—24 р., отъ свящ. ц. с. Бѣлоусовки, Хотин. уѣзда, Петра Полянскаго—1 р. 98 к., отъ свящ. ц. с. Пандаклии, Аккерм. уѣзда, Василя Балжаларскаго—24 р., отъ свящ. ц. с. Пугой, Бенд. уѣзда, Михапла Фриптула—9 р. 50 к., отъ свящ. ц. с. Ташлыка, Аккер. уѣзда, Іоанна Пославскаго—6 р 48 к., свящ. ц. с. Новопокровки, Изм. уѣзда, Захаріи Мануильскаго—80 коп., свящ. ц. с. Чимишлии, Бенд. уѣзда, Петра Хохора—1 р.; свящ. ц. с. Тудорова, Аккер. уѣзда, Аѳанасія Шуки—4 р. 70 к., свящ. Георг. ц. г. Кишинева Теофана Дубневича—1 р. 10 к., протоіереевъ—г. Кишинева: Сп. Мураневича—1 р. 20 в. и Кирил. Гинкулова—1 р. 10 в.—Священниковъ: В. Гобжилы—40 в., Ѳ. Бивола—75 в., Ев. Козакевича—46 в. и І. Шуки—1 руб.

Всего: . . 89 р. 29 в.

(Въ прошломъ 1909—10 году было получено только 68 р. 59 в.)

4., Пожертвованія съ спеціальнымъ назначеніемъ.

По духовному завѣщанію Ивана Θεодоровича Пардона ко Гробу Господню на поминовеніе раба Божія Іоанна—25 рублей; отъ царанки с. Молодово, Хотин. уѣзда, Харитины Сливки, чрезъ свящ. Іоанна Мадана, ко Гробу Господню, на поминовеніе о здравіи: Харитины, Параскевы, Февроніи, Евдокіи, Евфиміи и Маріи—6 руб.

Всего: . . 31 руб.

5., Пожертвованія, вынутыя изъ 14 кружекъ, находящихся въ 14 церквахъ г. Кишинева.

Такихъ пожертвованій получено 65 р. 33 в.

(Въ прошломъ, 1909—10 году получено только . . . 55 р. 81 к.).
Подробное указаніе— въ актѣ и приходо-расходной книгѣ Отдѣла,
подъ № 82, 21 февр. 1911 г., квитанція № 45634.

б., Вербный сборъ.

а) Отъ церквей.

аа., По Аккерманскому уѣзду.

1 округа—53 р. 59 к.; 2 окр.—25 р. 53. к.; 3 окр.—51 р. 36 к., 4 окр.—20 р. 66 к. Всего 151 р. 14 к.

аб., По Бендерскому уѣзду.

1 округа—41 р. 40 к.; 2 окр.—35 р. 83 к.; 3 окр.—29 р. 42 к. Всего: 106 р. 65 к.

ав., По Бѣлецкому уѣзду.

1 округа—56 р. 6 к.; 2 окр.—26 р. 75 к.; 3 окр.—34 р. 69 к., 4 окр.—30 р. 27 к. Всего: 147 р. 77 к.

аг., По Измаильскому уѣзду.

1 округа—27 р. 57 к.; 2 окр.—19 р. 21 к.; 3 окр.—67 р. 16 к.; и отъ ц. пос. Тропокло—2 р. 70 к.; 4 окр.—37 р. Всего: 153 р. 64 к.

ад., По Кишиневскому уѣзду.

По г. Кишиневу: чрезъ благоч. град. церквей—78 р. 89 к.; отъ каѳ. собора—34 р. 52 к.; отъ церкви 1-й Киш. муж. гимназіи—1 р. 50 к. Всего: 114 91 к.

1 округа—21 р. 18 к.; 2 окр.—41 р. 85 к.; 3 окр.—20 р. 81 к.; 4 окр.—40 р. 90 к. Всего: 124 р. 74 к.

ае., По Оргѣвскому уѣзду.

1 округа—46 р. 74 к.; 2 окр.—30 р. 7 к.; 3 окр.—20 р. 78 к.; 4 окр.—29 р. 91 к.; 5 окр.—32 р. 87 к. Всего: 160 р. 37 к.

ажж., По Сорокскому уѣзду.

1 округа—28 р. 7 к.; 2 окр.—21 р. 6 к.; 3 окр.—50 р.; 4 окр.—37 р. 77 к. Всего: 134 р. 90 к.

азз., По Хотинскому уѣзду.

1 округа—31 р. 92 к.; 2 окр.—31 р. 3 окр.—24 р. 52 к.; 4 окр.—29 р. 67 к.; 5 окр.—25 р. 83 к. Всего: 142 р. 94 к.

Итого отъ церквей . . . 1237 р. 6 к.

б) Отъ монастырей.

Чрезъ благочиннаго муж. монастырей, арх. Олимпія . 62 р. 63 к.

Чрезъ благочиннаго жен. монастырей, игумена Теогноста . . .	19 р. 27 к.
Отъ Кишиневской крестовой архіерейской церкви	21 р. 39 к.
Отъ церкви загороднаго архіерейскаго двма	1 р. 81 к.
	<hr/>
Итого отъ монастырей	105 р. 10 к.

А всего вербнаго сбора отъ ц. ц. и мон. 1342 руб. 16 к.
(на 48 р. 15 к. больше противъ 190⁹/₁₀ г. Въ 190⁹/₁₀ году получено только 1294 р. 1 к.).

Итого всего въ Отдѣлѣ, въ 19¹⁰/₁₁ г. на приходъ поступило 1828 р 78 к.

Б., РАСХОДЪ.

1., Выслано въ Совѣтъ Общества въ 19 ¹⁰ / ₁₁ г.	1745 р. 87 к.
2., За переводъ этихъ денегъ и пересылку переводныхъ билетовъ заказными пакетами, а также на корреспонденцію разнаго рода употреблено въ расходъ	2 р. 16 к.
3., На типографскіе расходы употреблено	34 р. 34 к.
4., Жалованье и д. дѣлопроизводителя протодіакону Іліи Чакиру за годъ	36 р.
5., Разносчикомъ за годъ	5 р. 96 к.
6., Канцелярскіе и разные мелкіе расходы	4 р. 45 к.
	<hr/>
Итого всего въ 19 ¹⁰ / ₁₁ г. израсходовано:	1828 р. 78 к.

Списокъ членовъ Общества, входящихъ, въ составъ Кишиневскаго Отдѣла къ 1 марта 19¹¹/₁₂ года, составленный въ алфавитномъ порядкѣ, съ указаніемъ ихъ членскаго званія.

Почетный членъ:

Преосвященнѣйшій *Серафимъ*, Епископъ Кишиневскій и Хотинскій (предсѣдатель Отдѣла).

Дѣйствительные-пожизненные члены:

Бутукъ Іоаннъ Степановичъ, протоіерей св. Теодоро-Тироновской церкви; *Пархомовичъ* Андрей Михайловичъ, дѣйствительный стат. сов. (казначей Отдѣла).

Члены-сотрудники пожизненные:

Германъ, архим. Ново-Нямецкаго монастыря; *Козакевичъ* Евгеній Васильевичъ, свящ. кладбищ. Г. Кишинева, церкви (канд. къ казначею); *Пронинъ* Георгій Алексѣевичъ, Кишиневскій 1-й гильдіи кунецъ; *Скородинскій* Александръ Ивановичъ, стат. сов., директоръ 7 кл. Кишинев.

коммерческаго училища; *Чайковскій* Василій Никандровичъ, свящ. ц. с. Бакчалии, 1 окр. Бенд. уѣзда.

Дѣйствительный членъ съ ежегоднымъ взносомъ 25 р.

Графъ Иванъ Викторовичъ *Канкринъ*, Начальникъ Бес. губ., д. с. с., въ долж. Шталмейстера Высочайшаго Двора (товарищъ Предсѣдателя Отдѣла).

Члены-сотрудники съ ежегоднымъ взносомъ по 10 р.

Балжасаларскій Василій Никодимовичъ, свящ. ц. с. Пандаклии, Аккер. уѣзда; *Богоявленскій* Алексѣй Александровичъ, секретарь Киш. дух. Консисторіи, кол. ассесоръ; *Василевскій* Николай Васильевичъ, каѳ. прот.; *Галушко* Іоаннъ Іаковлевичъ, свящ. ц. пос. Тропокло, Изм. уѣзда; *Георгіяновъ* Елисей Степановичъ, прот. ц. с. Братушанъ, Бѣлец. уѣзда; *Гинкуловъ* Кирилль Ивановичъ, прот. Кладб. г. Кишинева церкви; *Главанъ* Стефанъ Александровичъ, свящ. ц. с. Каменки, Бѣлец. уѣзда; *Глѣбскій* Павелъ Ѳеодоровичъ, Нач. Почт.-телегр. Киш. конторы, ст. сов.; *Демиди* Екатерина Петровна, пот. двор., прожив. въ с. Капрештахъ, Сорок. уѣзда; *Зиновій* архим., ректоръ Киш. дух. Семинаріи; *Іоакимъ*, архим. Гинкул. мон.; *Іову* Ѳеодоръ Ивановичъ, однодвор. с. Нападенъ, Бѣлец. уѣзда; *Кирлигъ* Вавила Григорьевичъ, прот. ц. с. Димитровки, Аккерм. уѣзда; *Кіятскій* Михаилъ Яковлевичъ, секр. Киш. губ. Зем. Управы, канд. богосл.; *Лашковъ* Николай Васильевичъ прот., законоуч. 1-й Киш. муж. и жен. гимн.; Преосвященный *Никодимъ*, Епископъ Аккерманскій; *Пархомовичъ* Іосифъ Михайловичъ, дѣйств. ст. совѣт.; *Парѣенъевъ* Константинъ Димитріевичъ, свящ. ц. с. Оланешть, Аккерм. уѣзда (бывш. свящ. Благовѣщ. ц. г. Кишинева); *Савва*, Іоаннъ Ѳеодоровичъ, прот. Кладб., г. Кишинева, церкви; *Сербова* Александра Арсеніевна, вдова Бес. землевлад.; *Степановъ* Андрей Ивановичъ, киш. купецъ; *Фринтулъ* Михаилъ Михайловичъ, свящ. ц. с. Пугой, Киш. уѣзда; *Чакиръ* Димитрій Георгіевичъ, прот. ц. с. Исерліи Аккерм. уѣзда; *Чакиръ* Михаилъ Михайловичъ, прот., членъ Консисторіи.

Всѣхъ членовъ Отдѣла 33.

Списокъ книгъ и брошюръ, имѣющихся въ библіотекѣ Отдѣла, а также списокъ принадлежащихъ Отдѣлу туманныхъ картинъ къ чтеніямъ о Св. Землѣ и др. вещей.

Кромѣ перечисленныхъ, въ отчетахъ за 1900—1901 по 1909—1910 г. г., книгъ, брошюръ и др. вещей, принадлежащихъ Отдѣлу, въ

библіотеку его въ отчетномъ, 1910—1911, году поступило еще нѣсколько брошюръ и книгъ. Вновь поступившія брошюры, книги и др. печатныя изданія, какъ за прошлые, 190⁶/₇—190⁷/₈—190⁹/₁₀ г., такъ и за отчетный, 1910—11, годы, перечислены только въ подлинныхъ, рукописныхъ, отчетахъ за эти годы, при чемъ въ каталогъ занесено все, принадлежащее отдѣлу по 1910—11 годъ, включительно.

Казначей отдѣла д. с. с. Андрей Пархомовичъ.

Въ Кишиневскій Отдѣлъ Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества

*Членовъ Ревизіонной Комиссіи
того же Отдѣла*

ДОКЛАДЪ.

1911 года марта 15 дня, мы, нежениодисавшіеся, члены Ревизіонной Комиссіи, разсмотрѣвъ приходо-расходную книгу Кишиневскаго Отдѣла Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, за время съ 1 марта 1910 г. по 28 февраля 1911 года, включительно, и сличивъ ее съ отчетомъ Отдѣла за то же время и подлежащими документами, нашли:

- 1., Приходъ и расходъ суммъ Отдѣла записаны правильно;
- 2., Приходо-расходная книга, какъ въ записяхъ, такъ и въ сравнительныхъ и др. итогахъ, ведена правильно и аккуратно;
- 3., Всѣ расходныя статьи засвидѣтельствованы оправдательными документами, при чемъ въ кассѣ Отдѣла къ 1-му марта 1911 г. въ остаткѣ не состоитъ ничего;
- 4., Отчетъ во всемъ согласенъ съ книгою и документами;
- и 5., Шнуръ и печать книги цѣлы. Помарокъ и подчистокъ въ книгѣ не оказалось. Вообще веденіе дѣла г. Казначеемъ Отдѣла найдено Комиссіей въ надлежащемъ порядкѣ и полной исправности.

Объ этомъ честь имѣемъ донести Кишиневскому Отдѣлу Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества.

Члены Ревизіонной Комиссіи:

Каѳедра́льный Протоіерей Николай Василевскій.

Протоіерей Николай Лашковъ.

Д. с. с. Іосифъ Пархомовичъ.

